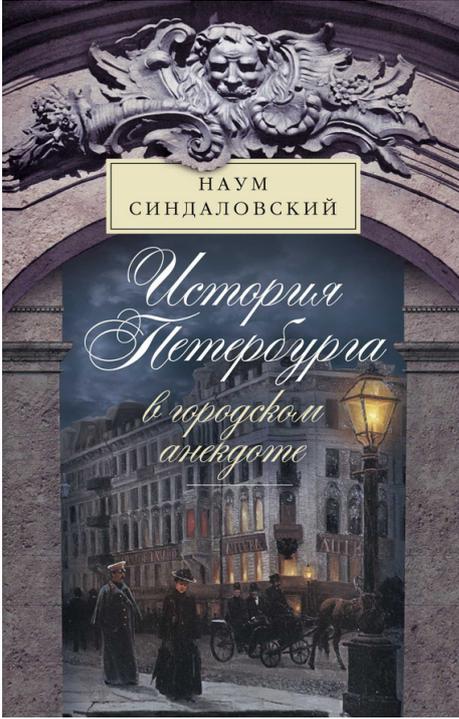

НАУМ
СИНДАЛОВСКИЙ

*История
Санкт-Петербурга
в городском
анекдоте*

Наум Александрович Синдаловский

История Петербурга в городском анекдоте

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4938310

*Наум Синдаловский. История Петербурга в городском анекдоте: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03927-9*

Аннотация

Прочитав эту книгу, вы узнаете множество поразительных фактов из истории Северной столицы, дошедших до нас благодаря городскому анекдоту. Вы посмотрите на историю Петербурга другими глазами, а смешные рассказы о знаменательных событиях и простых житейских ситуациях из жизни петербуржцев подарят вам минуты искреннего, задорного смеха!

Эта книга включает в себя исторические и биографические сведения о городе на Неве и его жителях, ярко иллюстрированные более чем семью сотнями анекдотов. Она адресована самому широкому кругу читателей: студентам, историкам, фольклористам и всем, кто неравнодушен к живому, искрометному народному юмору.

Издание второе, исправленное и доработанное.

Содержание

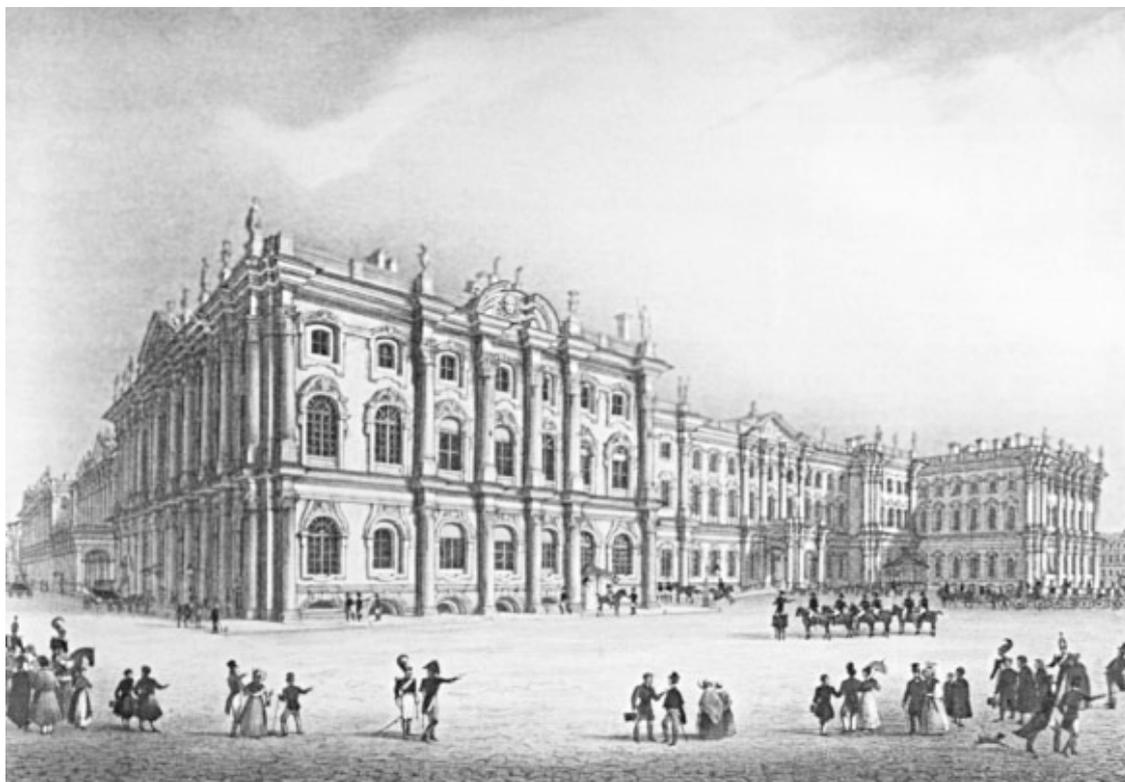
Глава 1. Императорский дом	5
Глава 2. Петербург чиновный и придворный	21
Глава 3. Золотой век русской культуры	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наум Синдаловский История Петербурга в городском анекдоте

Глава 1. Императорский дом

Тут надо признаться, что официальная историография страдает тремя неизлечимыми болезнями. Она либо недоговаривает, либо умалчивает, либо вообще лжет. На фоне этих клинических недугов – опасной недоговоренности, стыдливого умолчания или откровенной лжи, и возникает фольклор, который по-своему пытается объяснить события, происходящие вокруг. Роль анекдота в этом смысле трудно переоценить.

Надо признать, что из всех известных нам жанров и видов городского фольклора анекдот – самый обыкновенный, если не сказать тривиальный. Но одновременно он же и самый интригующий. Он – как острая пряная приправа к привычному повседневному обеду или как экзотический ароматный деликатес, неожиданно поданный на десерт. Без него, как без соли, обед становится пресным, разговор скучным, застолье унылым и неинтересным.

К бесспорным достоинствам анекдота, особенно в его современном варианте, надо отнести и то обстоятельство, что он по своей природе исключительно национален, его почти невозможно перевести на другой язык. Попытки перевода приводят к полному обескровливанию анекдота, выводят его из одного жанра в другой, превращают анекдот в скучную и неинтересную информацию.

С известной долей допущения можно сказать, что анекдот – это самый древний жанр фольклора. Может быть, даже древнее мифа. Во всяком случае, в рамках европейской культуры. В самом деле. Чтобы создать миф, человеку нужно было натренировать свой мозг, приучить его к серьезной работе, к умению думать, сопоставлять, размышлять о причи-

нах возникновения тех или иных стихийных явлений природы, чтобы потом в придуманном мифе как-то попытаться объяснить это и себе, и другим. Эпоха первобытного мифа была одновременно и эпохой некой своеобразной первобытной философии, предшествовавшей переходу человечества из естественного, природного существования к цивилизации, к культуре. Авторами древних мифов должны были быть искусные рассказчики, люди, не лишенные способности аналитически мыслить и рассуждать. Таких было немного. А анекдот – это всего лишь короткий пересказ более или менее любопытного факта из собственной жизни, интересный фрагмент подслушанного разговора или случайно подсмотренного события. Для этого не нужно было обладать никаким особенным опытом. Авторами анекдотов могли быть буквально все, и уже только поэтому анекдот еще в древности стал одним из самых демократичных видов устного народного творчества.

Другое дело, что благодаря именно этим свойствам анекдот слыл самым легким и необязательным элементом этого творчества. Долгое время никто не мог себе даже представить, что анекдот может являть собой отдельный, самостоятельный жанр того направления человеческой деятельности, которое потом назовут искусством. Достаточно сказать, что в классификации видов и жанров раннего искусства анекдот не имел даже собственного названия. Только в XVIII в. нашей эры анекдот стали называть анекдотом – по названию выходивших тогда в Германии популярных сборников неопубликованных ранее (а значит, новых и интересных) развлекательных юмористических рассказов о тех или иных личностях или событиях истории.

Название не было случайным. Оно возникло из интереса к античности и было заимствовано у выдающегося юриста и историка древности Прокопия из Кесарии, жившего в V в., в эпоху императора Восточной Римской империи Юстиниана. Среди его многочисленных работ был один тайный исторический труд, направленный против политики императора. Он не имел официального авторского названия и при жизни Юстиниана не издавался. Из элементарного страха за собственную жизнь. В этом смысле древнейшие анекдоты, записанные когда-то Прокопием, сродни современным политическим анекдотам тоталитарной советской эпохи. И те и другие могли существовать исключительно в устном варианте, то есть в фольклоре. Только так могла быть обеспечена безопасность подлинного автора.

Но вернемся в V в. Только после смерти Юстиниана работа Прокопия была опубликована под немудрящим названием «*Anekdotota*», что в переводе с греческого означает не более чем «неопубликованный». В книге содержались подробные описания обычаев и нравов того времени. Многие из них носили остро критический характер и были неллицеприятны. С тех пор всякие короткие, неопубликованные, передающиеся из уст в уста новеллы из жизни окружающих стали называть анекдотами.

В 1830 г. один из таких сборников анекдотов, переведенный на русский язык с немецкого и изданный неким К. Зайделем, появился и в России. Здесь он легко прижился. Почва для этого была хорошо подготовлена. В России в то время среди читающей публики пользовались исключительной популярностью французские фавлю – короткие, родственные анекдоту по жанру юмористические рассказы – и старинные итальянские новеллы, в сюжетной основе которых лежали обыкновенные анекдоты из жизни.

Однако тот факт, что возникновение и становление европейского анекдота в России совпало с эпохой Петра Великого, дерзнувшего развернуть неуклюжий корабль русской истории на Запад, нельзя рассматривать как случайность. Это, если можно так выразиться, чисто литературное обстоятельство легко вписывалось в логику титанической работы, одним из эпизодов которой стало основание в устье Невы, под самым боком матушки Европы, новой столицы русского государства – Санкт-Петербурга. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и появление первого русского анекдота, в общеевропейском понимании этого слова, было зафиксировано в Петербурге. Он хорошо известен. Значение его

для устной петербургской культуры трудно переоценить. Это не только первый собственно петербургский анекдот. В его сюжетную канву искусно вплетена затейливая грамматическая конструкция, которой суждено было стать первой питерской поговоркой. Таким образом, одновременно родились сразу два жанра петербургского городского фольклора. Вот почему наше повествование мы начинаем именно с него.

Петр спросил однажды у своего шута Балакирева:

– Скажи, шут, что говорят о моем городе петербуржцы?

– А что говорят, – ответил шут, – говорят, что с одной стороны – море, с другой – горе, с третьей – мох, а с четвертой – ох!

Петр вскипел от злости, схватил свою знаменитую дубинку и проиелся ею по спине своего незадачливого шута, приговаривая:

– Вот тебе море, вот тебе горе, вот тебе мох, а вот тебе ох!

Этот анекдот положил начало целой серии передаваемых из уст в уста, из поколения в поколение увлекательных исторических рассказов о Петербурге и персонажах петербургского периода отечественной истории. Яркие, выразительные и остроумные, они, расположенные в хронологическом порядке, дают достаточно полное представление обо всей истории Петербурга с первых лет его существования и вплоть до наших дней. Причем не официальной, описанной в учебниках истории и канонизированной на всех этапах всеобща, а параллельной, такой, как она виделась в народе.

Тут надо признаться, что официальная историография страдает тремя неизлечимыми болезнями. Она либо не договаривает, либо умалчивает, либо вообще лжет. На фоне этих клинических недугов – опасной недоговоренности, стыдливого умолчания или откровенной лжи – и возникает фольклор, который по-своему пытается объяснить события, происходящие вокруг. Роль анекдота в этом смысле трудно переоценить. Он становится не только источником информации, но и ее комментатором. То, что анекдот не только сохраняет информацию, но еще и комментирует ее, только повышает ценность как этой информации, так и самого анекдота. Достаточно напомнить, что многие детали жизни и быта, черты и особенности характеров исторических персонажей, а главное аромат безвозвратно исчезающего времени доносятся до потомков исключительно благодаря анекдоту.

Особенное значение анекдот приобретает в тоталитарном государстве, в котором официальная историография испытывает известные трудности не только с распространением информации, но и со свободным доступом к ней. В этих условиях анекдот выполняет еще и роль клапана, который позволяет выпустить пар и ослабить опасное напряжение идеологического пресса, и роль, некогда возложенную историей на эпос. Современный фольклор, как и доисторический эпос, сохраняет информацию во времени путем неоднократной передачи ее из уст в уста.

Среди многочисленных персонажей петербургской истории первым заслужил внимание городского анекдота основатель Петербурга император Петр Первый. Он всегда был наиболее любимым героем городского фольклора вообще и анекдота в частности. В значительной степени именно в анекдоте создавался тот привлекательный образ деятельного, неутомимого, жесткого, но справедливого руководителя государства и строителя новой столицы, к которому мы все привыкли.

Исторические анекдоты о Петре I составили целый пласт не только устного народного творчества, но и письменной литературы. На всем протяжении жизни и деятельности великого императора они старательно собирались исследователями фольклора и профессиональными историками. Практически все они в разное время были опубликованы. Большинство из них представляет собой подлинные жемчужины жанра, хотя и далеко не все принадлежат Петербургу. Известно, что деятельность Петра распространялась далеко за пределы новой столицы, он много ездил по стране, бывал за границей, и где бы ни приходилось ему нахо-

даться, везде он оставлял о себе память в виде фольклора. Анекдот не был в этом смысле исключением.

Понятно, что в контексте нашей книги важны только те анекдоты, которые напрямую связаны с характерными чертами личности Петра I и в особенности с жизнью и историей основанного им города Петербурга. Но и их достаточно. Надо, правда, иметь в виду, что при Петре I анекдот как жанр еще только формировался и многие тексты, известные в литературе как анекдоты о Петре I, на самом деле по форме более похожи на легенды и предания и анекдотами называются исключительно по традиции. Но и анекдоты в нашем, современном понимании есть. Один из них мы уже знаем. Вот еще несколько:

Государь Петр I, заседая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневе своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому:

– Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, тот без дальнейшего следствия повешен будет.

Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но, несколько поудержавшись, отвечал монарху:

– Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь этот указ?

– Пиши, – прервал государь, – что я тебе приказал.

Ягужинский все еще не писал и, наконец, с улыбкою сказал монарху:

– Всемилостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой.

Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал.

Один монах у архиерея, подавая водку Петру I, споткнулся и его облил, но не потерял рассудка и сказал:

– На ком капля, а на тебя, государь, излияся вся благодать.

Петр Великий, сядя сам дубовые желуди, приметя, что один из стоящих тут трудам его улыбнулся, гневно промолвил:

– Ты мнишь, не доживу я матерых дубов. Правда, но ты дурак.

Я оставляю сим пример, чтоб потомки, делая то ж, со временем из них строили корабли.

Первоначально Петербург задумывался вовсе не в качестве столицы государства. Предполагалось, что это будет военная крепость и морской порт на Балтике. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Петр I считается основателем русского военно-морского флота. Понятно и то, что зарождение всех наиболее значительных событий флотской жизни фольклор приписывает ему. О морях в Петербурге ходили замысловатые байки и затейливые анекдоты. С завистью смотрели юные недоросли на матросскую форму. Следил за красотой и единообразием этой формы и сам Петр. Сохранилась легенда о том, как не раз, посещая корабли, Петр восклицал: «Пекарей и лекарей с палубы долой!» Известно, что единственными людьми на флоте, кто не носил единой матросской формы, были представители именно этих корабельных профессий. И хотя многие элементы флотской одежды были довольно позднего происхождения, все они в фольклоре связывались с именем Петра I.

Однажды, прогуливаясь по Летнему саду, Петр заметил в кустах обнаженную задницу. Подойдя ближе, он увидел и обладателя этого зада – матроса, пристроившегося со спущенными штанами к какой-то девке.

– *Сия голая задница позорит флот российский, – недовольно проворчал император и вскоре ввел на флоте форменные брюки с клапаном, что позволяло матросам заниматься любовью, не обнажая при этом зады.*

Так это или нет, судите сами. Но с тех пор, если, конечно, верить фольклору, и носят российские моряки флотские брюки с клапаном вместо ширинки.

Эпоха Петра наиболее известна двумя важнейшими событиями политической истории России нового времени. Это, во-первых, основание Петербурга и, во-вторых, завершение длительной, 21-летней войны со Швецией за выход России к Балтийскому морю и возвращение ей исконно русских, некогда оккупированных шведами прибалтийских земель. Обе эти задачи были Петром успешно выполнены. К 1721 г. – году заключения мира со Швецией – Петербург стал широко признанной в Европе новой столицей России. А об итогах войны, вошедшей в историю под названием Северной, можно узнать из современного «школьного» анекдота:

– *Чем закончилась Северная война?*

– *Шведы одержали сокрушительное поражение.*

Поражение действительно для шведов было столь чувствительным, что попытки уменьшить победу русской армии предпринимались ими еще в течение многих десятилетий. Большого успеха это, правда, не имело. Русские дипломаты хорошо понимали подлинные интересы своей страны.

Однажды шведский король Густав III пригласил нашего посла в Стокгольме графа Моркова осмотреть Дроттигамский дворец. Когда они пришли в оружейную палату, король подвел Моркова к трем знаменам, стоявшим в углу, и с насмешливой улыбкой сказал:

– *Вот русские знамена, отбитые у Петра Первого.*

– *Да, это наши, – ответил Морков, – они стоили шведам трех областей.*

Из детского фольклора мы знаем и о другой, не менее значительной заслуге Петра в истории нашего города:

Петр Первый заставил всех ленинградцев быть культурными людьми.

В связи с этим самое время вспомнить о таком устойчивом словосочетании, как «Окно в Европу», которое давно уже стало широко известным синонимом Петербурга. Впервые эту мысль для широкой публики сформулировал в октябре 1833 г. Пушкин. Именно тогда, находясь в имении Болдино, в знаменитую болдинскую осень, менее чем за месяц он написал поэму «Медный всадник». При жизни поэта она опубликована не была, за исключением одного отрывка. Полностью поэма появилась в печати только в 1837 г., через несколько месяцев после гибели Пушкина, в журнале «Современник». Тогда же две строки из этой поэмы сразу стали крылатыми:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

Пушкин сопровождает эти стихи собственным комментарием: «Альгаротти где-то сказал: Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу». Франческо Альгаротти, итальянский публицист и писатель, в 1739 г. посетил Петербург, после чего опубликовал книгу «Письма из России». Там-то и были те строки, на которые ссылается Пушкин. В буквальном переводе с итальянского они звучат несколько иначе, не столь поэтично: «Город – большое окнище, из которого Россия смотрит в Европу». Но сути это, конечно, не меняет, тем более что такой взгляд на Петербург, в принципе, существовал и раньше. В одном из писем Вольтер ссылался на лорда Балтимора, который будто бы говорил, что «Петербург – это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, она опять впадет в полное варварство». Известна эта мысль и фольклору. Правда, в фольк-

лоре она приписывается самому Петру I. Один из современных ирландских потомков М. И. Кутузова М. П. Голенищев-Кутузов-Толстой вспоминает, что в их семье существовала легенда о том, что Петр, закладывая первый камень в основание Петербурга, будто бы произнес: «Именую сей град Санкт-Петербургом и чрез него желаю открыть для России первое окно в Европу».

Так или иначе, но идиома «Окно в Европу» давно уже приобрела крылья и, перелетая из уст в уста, осела во множестве анекдотов на эту тему.

– *Здесь нам природой суждено в Европу прорубить окно! – мечтательно проговорил Петр I, и добавил: – А может быть, и в Азию прорубим...*

– *Майн херц, – остановил его Менишиков, – на два окна зановесочек не хватит.*

– *Я вам прорубил окно в Европу, – сказал Петр.*

– *Зачем? В него же нельзя выйти.*

– *Зато можно смотреть.*

– *Как вы думаете, сэ,р, отчего окно в Европу прорубили давно, а культура из Европы так и не пришла к нам?*

– *Потому, сэ,р, что культурные люди в окна лазать не привыкли.*

– *А все-таки хорошо, что Петр I прорубил окно в Европу.*

– *Главное, чтобы никто не начал рубить окно в Африку.*

– *Отчего же?*

– *Так сквозняком Курилы выдует.*

– *Какой самый популярный вид самоубийства сейчас в Ленинграде?*

– *Выброситься в окно... в Европу.*

На экскурсии в Домике Петра I. Один из экскурсантов, глядя в окошко:

– *Это и есть окно, которое Петр Великий прорубил в Европу?*

Нет нужды говорить о роли Петра I в истории России. Она хорошо известна. Заметим только, что она не всегда понималась современниками и не сразу была оценена потомками. Но то, что Петр сразу стал тем историческим ориентиром, на который равнялись и с которым сравнивали, несомненно. Дошедшие до нас исторические анекдоты тому свидетельство.

В 1770 г., по случаю победы, одержанной при Чесме, митрополит Платон произнес в Петропавловском соборе, в присутствии императрицы и всего двора, речь, замечательную по силе и глубине мыслей. Когда вития, к изумлению слушателей, неожиданно сошел с амвона к гробнице Петра Великого и, коснувшись ее, воскликнул: «Восстань, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и возри на любезное изобретение свое!» – среди общих слез и восторга Кирилл Разумовский вызвал улыбку окружающих его, сказав им потихоньку: «Чего вин кличе? Як встане, всем нам достанется».

Как известно, уходя из жизни, Петр I своим политическим наследником никого не назвал. Или не успел, или не видел в этой роли ни одного из своих близких родственников. В результате на русский трон взошла бывшая ливонская пленница, супруга Петра Марта Скарронская, в православии – Екатерина Алексеевна, или Екатерина I. Императрицей она была недолго, в 1727 г. умерла, но в истории осталась верной наследницей своего великого мужа – Петра I. Об этом можно судить и из анекдота, оставшегося нам в наследство от той поры:

Когда закончилась Северная война, духовенство явилось к Петру I с петицией просить, чтобы он им вернул металл для восстановления колоколов, перелитых на пушки и ядра. Петр на петиции написал:

– *Получите х...*

Когда император скончался, монахи с той же просьбой пришли к его вдове, императрице Екатерине I. Императрица прочитала резолюцию Петра, мило улыбнулась и сказала:

– *А я и этого дать не могу.*

В 1762 г. в результате успешно осуществленного заговора против своего мужа императора Петра III на царский трон взошла Екатерина II. Ее полное имя до приезда в Россию и принятия православия было Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Она была немецкой принцессой и происходила одновременно из герцогского – по отцу и княжеского – по матери старинных, но небогатых германских родов. Правда, есть две легенды. По одной из них, отцом будущей русской императрицы был Иван Иванович Бецкой, внебрачный сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого. Во время путешествия по Европе он будто бы познакомился с будущей матерью Софьи Фредерики Августы, влюбился в нее и вступил в интимную связь. В результате на свет и появился ребенок, ставший русской императрицей. Но это только легенда, скорее всего, имеющая официальное происхождение. Так хотелось обнаружить в Екатерине II хоть каплю русской крови. Согласно другой, совсем уж маловероятной легенде, по материнской линии Екатерина II происходит от самого великого князя Ярослава Ярославича Тверского, брата Александра Невского. Так что, если всему этому верить, крови в ней перемешано много – и русской, и польской, и литовской, и датской, и Бог знает еще какой. Неудивительно, что еще в детстве, если, конечно, опять же, верить фольклору, маленькая принцесса Софья-Фредерика-Августа услышала от какого-то странствующего монаха предсказание, что в конце концов она «наденет на голову корону великой империи, которой в настоящее время правит женщина». Этот смутный факт ее биографии нашел отражение в анекдоте:

Учитель на экзамене по истории:

– *Петров, расскажите о Екатерине Великой.*

Петров:

– *Екатерина Великая родилась столь маленькой девочкой, что великой стала называться только через полтора столетия.*

Между тем, в России Екатерину II не без оснований считали самой русской императрицей и с любовью называли: «Немецкая мать русского Отечества». Как утверждал остроумный П. А. Вяземский, если русский Петр I хотел сделать нас немцами, то немка Екатерина II хотела сделать нас русскими. Она и сама в это верила, стараясь как можно реже вспоминать о своем немецком происхождении.

Однажды императрице стало плохо, и ее любимый доктор Роджерсон прописал пустить ей кровь. После этой процедуры она приняла графа Безбородко.

– *Как здоровье, Ваше величество? – спросил граф.*

– *Теперь лучше. Последнюю немецкую кровь выпустила, – ответила императрица.*

Однако верили в это перерождение далеко не все, и поэтому по огромной русской стране до сих пор ходят анекдоты другого свойства:

Любила императрица Екатерина Великая свою новую родину. Встанет, бывало, чуть свет, наденет русские сапоги и ходит вокруг кровати:

– *Айн, цвай, драй... Айн, цвай, драй...*

А ядовитые одесситы вообще сравнили ее широкую известность с известностью не менее знаменитой романтической варшавско-одесско-петербургской воровки Соньки – Золотой Ручки, или Софьи Блюнштейн, в девичестве имевшей такое же, как и у Екатерины в Германии, сложное по грамматической структуре имя – Соломониак Шейндли Сура Лейбовна:

– *Это в Петербурге она Екатерина Великая, а у нас в Одессе – Соня Ангельтцербстская.*

Что превалировало в сложном характере этой удивительной императрицы, женщина или политик, сказать трудно. Мнения современников и потомков столь же разноречивы, как и многочисленны. Многие из них полярно противоположны. Даже когда высказывались одним человеком. Например, Пушкин, хотя часто и одаривал ее лестными эпитетами, тем не менее считал лицемерной ханжой и называл «Тартюф в юбке». Мы не ставим перед собой арифметическую задачу взвешивать эти мнения или тем более противопоставлять их друг другу. Не видим смысла и в арифметическом подсчете любовников императрицы – было их пятнадцать, как считают одни, или двадцать два, как утверждают другие. Важнее другое. Екатерина редко скрывала свои чувства от посторонних и никогда не злоупотребляла своей властью. Когда один из ее фаворитов А. Н. Дмитриев-Мамонов влюбился во фрейлину императрицы Щербатову и откровенно признался в этом Екатерине, то та не только позволила ему жениться на избраннице, но благословила молодых и дала щедрое приданое невесте. Правда, если верить одной дворцовой легенде, лично помогая Щербатовой одеться к венцу, «не стерпела и сильно уколола ее булавкой».

Рассказывают, как однажды, в ответ на чей-то осторожный намек на молодость очередного ее возлюбленного, императрица снисходительно улыбнулась и заметила, что стране необходимы государственные мужчины опытные и образованные, чем она, в силу своих скромных способностей, и занимается, приближая молодых людей к своей монаршей особе. Причем, не стесняясь, могла в этом смысле поставить в один ряд и пылкого любовника, и скромного чиновника.

Екатерина II, опершись о перила, смотрит с моста в речку, оттопырив свой зад.

– А!!! Кто это? – шепчет она сквозь зубы от приятной боли.

– Поручик Ржевский, – кланяется тот каблуками.

– Продолжайте, полковник Ржевский! А-а-а... Хорошо, генерал Ржевский!

Бедного и усердного чиновника из украинских казаков Дмитрия Троцинского Екатерина за труды наградила хутором, а потом прибавила еще 300 душ. Испуганный Троцинский вломился к царице без доклада:

– Это чересчур много, что скажет Зубов?

– Мой друг, его награждает женщина, а тебя – императрица.

Чувственный сластолюбивый век Екатерины II сменился суровыми годами царствования Павла I. Нравственная строгость павловской эпохи возникла не на пустом месте. Наследнику престола Павлу Петровичу было восемь лет, когда в ропшинском заточении был убит его отец, свергнутый император Петр III. В то, что он умер собственной смертью «от геморроидальных колик», как об этом было сказано в официальном сообщении, Павел не верил. Прямой виновницей убийства отца он считал свою мать, императрицу Екатерину II, нагло и незаконно узурпировавшую власть в результате дворцового переворота. Кроме того, Павел был сыном внука Петра I, а значит, прямым потомком великого императора, из чего вытекало, что он имеет больше прав на русский трон, чем его мать, не имевшая вообще ни капли династической крови Романовых. С этим неистребимым чувством незаслуженной несправедливости и мучительным ожиданием «своего часа» он прожил целых 42 года, вплоть до смерти Екатерины II, случившейся в ноябре 1796 г. Все это не могло не сказаться на его характере. Он был болезненно вспыльчив и совершенно непредсказуем. Его поступки были столь же необъяснимы, как и неожиданные приступы гнева. Отсюда и официальные указы, более похожие на анекдоты, и анекдоты, смахивающие на правдоподобные факты петербургского быта.

Павел приказал генерал-губернатору Петербурга приготовить приказ, в котором определялось количество блюд, которые может иметь за обедом и ужином каждый из подданных российских, глядя по своему чину и классу службы.

Павел, встретив однажды майора Якова Петровича Кулькова, спросил его:

– Господин майор, сколько кушаньев подают у вас за столом?

– Три, Ваше Императорское Величество.

– А позвольте узнать, господин майор, какие?

– Курица плашмя, курица ребром и курица боком, – ответил Кульков. Император расхохотался.

В царствование императора Павла в Петербурге было только семь французских модных магазинов; он не позволял больше открывать, говоря, что терпит их по числу семи смертных грехов.

Какой-то гвардейский полковник в месячном рапорте показал умершим офицера, который отходил в больницу. Павел его исключил за смертью из списков. По несчастью, офицер не умер, а выздоровел. Когда живой мертвец увидел это, тогда он подал прошение Павлу. Павел написал своей рукой на его просьбе: «Так как об офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать».

Павлом был издан указ о том, чтобы обыватели столицы извещали полицию за три дня об имеющемся у них пожаре.

Павел встретил не по форме одетого офицера и написал об этом записку генерал-майору Скалону: «Офицера сего нашел я в тронной зале у себя в шляпе, судите сами».

Однажды к Павлу обратилась с просьбой дама, имевшая неприглядную внешность.

– Я не могу отказать в просьбе своему портрету, – ответил император.

Однажды император Павел Петрович после аудиенции, простившись с католическим митрополитом Сестрженцевичем и уже идя во внутренние покои, заметил в одежде одного пажа что-то неформенное. Государь, бледный от раздражения, крикнул Палену:

– Отведите сейчас же эту обезьяну в Петропавловскую крепость.

По уходе государя Пален подошел к Сестрженцевичу и сказал, что должен исполнить волю государя. Растерявшийся митрополит безропотно покорился своей участи. Когда затем Пален приехал во дворец доложить об исполнении приказа, ошибка выяснилась.

Однажды, при неудачном спуске корабля «Благодать», царь Павел I нашел в ботфорте листок со стихами:

*Все противится уроду,
И «Благодать» не лезет в воду.*

Однажды государь Павел Петрович, выслушав далеко не глупые ответы придворного шута Иванушки на вопрос «Что от кого родится?», обратился к нему:

– Ну, Иванушка, а от меня что родится?

– От тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки, палки, каторга, кнуты...

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в результате дворцового заговора Павел I был убит в собственной спальне. То ли был задушен шарфом одного из заговорщиков, то ли скончался

от предательского удара в висок серебряной табакеркой. Ужас всей этой истории, покончившей с непродолжительной жизнью императора, состоял в том, что даже его гибель породила в обществе анекдоты, слушая которые, добропорядочные подданные Российской империи не знали, что делать: плакать или смеяться.

Павел просил ворвавшихся в его спальню убийц повременить, ибо он хочет выработать церемониал собственных похорон.

Император скончался от апоплексического удара табакеркой в висок.

Сразу после гибели Павла I на престол взошел его сын Александр. Александра I любили буквально во всех слоях русского общества. В народе его прозвали «Благословенным». Ему пели дифирамбы профессиональные поэты, о нем слагали наивные легенды и сочиняли трогательные анекдоты. Петербургские дамы, что называется, сходили с ума при одном упоминании о своем императоре. Один такой анекдот сохранился в бумагах И. В. Помяловского, хранящихся в Российской национальной библиотеке:

Государь Александр Павлович прогуливался однажды по саду в Царском Селе; шел дождик, однако это не помешало собраться толпе дам посмотреть на царя, обожаемого женским полом. Когда он поравнялся с ними, то многие в знак почтения опустили вниз зонтики.

– Пожалуйста, – сказал государь, – поднимите зонтики, madams, не мочитесь.

– Для Вашего Императорского Величества мы готовы и помочиться, – отвечали дамы.

Во время триумфальных Заграничных походов русской армии во главе с Александром I в 1812-1814 гг. волна всеобщей любви к русскому императору прокатилась по всей Европе. Иногда это принимало самые экзотические формы. Немецкие дамы ввели в моду так называемые «Александровские букеты», состоявшие из цветов и растений, начальные буквы названий которых должны были составить имя русского императора: Alexander (Anemone – анемон; Lilie – лилия; Eichel – желуди; Xeranthenum – амарант; Accazie – акация; Nelke – гвоздика; Dreifaltigkeitsblume – анютины глазки; Ephju – плющ; Rose – роза).

Однако сам Александр Павлович властью тяготился. Он искренне переживал, что не удалось либеральные реформы, затеянные им в самом начале царствования. Но главное, с годами у него все более обострялся комплекс вины за гибель своего отца – Павла I. Не без основания он считал себя причастным к событиям марта 1801 г. Смерть отца от рук коварных заговорщиков почти на глазах сына и, по существу, с его молчаливого согласия не давала покоя.

Состояние императора в последние годы его царствования остро чувствовали в обществе. И когда он в декабре 1825 г. скончался, в стране распространились слухи о том, что Александр не умер, а удалился в Сибирь и под видом старца Федора Кузьмича «испрашивает у Бога прощение» за участие в убийстве своего отца. Нам же в память об этих тяжелых переживаниях остался с той самой поры анекдот:

Однажды камер-паж Александр Башуцкий находился с товарищами в Георгиевском зале Зимнего дворца. Молодежь расходилась, начала прыгать и дурачиться. Башуцкий забылся до того, что вбежал на бархатный амвон под балдахином и сел на императорский трон, на котором начал кривляться и отдавать приказания.

Вдруг он почувствовал, что кто-то берет его за ухо и сводит со ступеней престола. Башуцкий обмер. Его выпроваживал сам император Александр I.

– Поверь мне, – проговорил он, – совсем не так весело сидеть тут, как ты думаешь.

Смерть Александра I стала неожиданной не только для страны, но и для всей царской семьи. Разразился династический кризис. По закону на престол должен был взойти второй сын императора Павла I Константин Павлович. Но тот от престола отказался. Завязалась

длительная переписка между третьим сыном Павла I цесаревичем Николаем и Константином, находившимся в то время в Варшаве. Этим воспользовались декабристы. 14 декабря они вышли на Сенатскую площадь.

Таким образом, император Николай I вступил на трон под зловещий аккомпанемент пушечных и ружейных выстрелов. Восстание на Сенатской площади было жестоко подавлено. Затем было долгое следствие по делу декабристов, ссылка многих из них в сибирскую каторгу, страшная казнь пятерых руководителей восстания на Кронверке Петропавловской крепости и позорное наказание остальных участников восстания шпицрутенами, то есть палками. Не случайно истории Николай I известен еще и по прозвищу Николай Палкин.

Эти события, конечно же, наложили определенный отпечаток на характер императора и на весь стиль его дальнейшего царствования. Император был подчеркнуто холоден, суров, не в меру требователен, оскорбительно мелочен, циничен и лицемерен. Репутация Николая I, или «Железного Государя», как его называли в Европе, в глазах петербургского общества была исключительно низкой. По мнению многих современников, это был тщеславный, ограниченный и самодовольный человек, безуспешно тщившийся быть похожим на своего великого предка – Петра I. Не случайно Александр Пушкин о нем говорил: «В нем много от прапорщика и мало от Петра Великого». Известна безымянная эпиграмма, ходившая по Петербургу после открытия одного из очередных бюстов императора:

Оригинал похож на бюст:

Он так же холоден и пуст.

Все это подтверждают и те характеристики императора, которые просматриваются в анекдотах о нем, оставленные нам современниками.

На памятной медали в честь восшествия на престол вместо своего портрета Николай I приказал поместить государственного орла.

– А то, что в этом году царствовал Николай Павлович, и так известно, – заявил он.

В день бракосочетания императора Николая I в числе торжеств был назначен и парадный развод в Михайловском манеже. По совершении обряда, когда все военные чины надевали верхнюю одежду, чтобы ехать в Манеж, известный остролов князь А. С. Меншиков сказал:

– Странное дело, не успели обвенчаться и уже думают о разводе.

Император Николай Павлович однажды посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении великого гостя начальник ее Струве в первую минуту смутился и спрятался за телескоп.

– Что с ним? – спросил император у Александра Сергеевича Меншикова.

– Вероятно, испугался, Ваше Величество, увидев столько звезд не на своем месте.

Николай I встретил на Невском проспекте французского актера Верне и поговорил с ним. Бедолагу-лицедея тут же после беседы поволокли в полицию.

– Кто таков? О чем говорил с государем?

С того дня Верне стал уклоняться от встреч с императором. Николай обиделся.

– Что это вы, сударь, от меня бегаете?

– Ваше Величество! Говорить с Вами честь, конечно, великая, но сидеть за нее в полиции я больше не собираюсь.

Император Николай I велел переменить неприличные фамилии.

Полковник Зас выдал свою дочь за гарнизонного офицера Ранцева, и так как, по его утверждению, его фамилия древнее, то он должен называться Зас-Ранцев. Весь гарнизон смеялся. Но государь, не зная движения назад, просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Тот поморщился, но должен был покориться мудрой воле государя.

Еще в 1825 г., при драматическом воцарении Николая I, известный монах Авель будто бы предсказывал, что «змей будет жить тридцать лет». С приближением этого неумолимого срока в Петербурге появились легенды о некоем белом призраке и какой-то таинственной птице, которые преследовали императора по ночам. «Белый призрак», похожий на известную «берлинскую белую даму, предвещавшую смерть прусских венценосцев», видели в Гатчинском дворце, а таинственная черная птица – предвестница зла в мифологии финнов – каждое утро «прилетала и садилась на телеграфный аппарат, находившийся в башенке над комнатой, где вскоре умер император». А еще говорили, что незадолго до кончины, в первое воскресенье поста, дьякон ошибся и вместо долголетия императору провозгласил вечную память. Вспоминали, что еще задолго до кончины, в самом начале царствования, императору пророчили, что «руки у него будут в крови». Не кровь ли это погибших во время подавления восстания на Сенатской площади, думалось часто императору.

И в самом деле, ровно через 30 лет и два месяца, 13 февраля 1855 г., император получил трагическое известие о поражении русских войск в Крыму. Николай понимал, что это был печальный итог всего царствования. Крымская война, начавшаяся в 1853 г., привела практически к полной дипломатической изоляции России. Великобритания и Франция воевали на стороне Турции. Внешняя политика России оказалась ошибочной. Внутренняя жизнь крепостнического государства характеризовалась экономической отсталостью, что во время войны проявилось особенно ярко. Итог тридцатилетнего царствования был ужасен. Если верить одному анекдоту Николай все это предчувствовал. Вот этот анекдот:

Берлинскому живописцу Крюгеру, писавшему портрет Николая I, приказано было выдать драгоценные золотые часы с бриллиантами, но, проходя через руки чиновников министерства, бриллианты улетучились, а когда Николай I увидел у Крюгера эти часы, он сказал ему:

– Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого было бы мало всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь.

На другой день после получения депеши из Крыма Николай I, по преданию, вызвал врача-немца Мандта и будто бы попросил дать ему яд. Так это или нет, сказать определенно нельзя, но известно, что в тот же день император лег в постель и больше не вставал. Смерть наступила 18 февраля.

Вступивший на престол Александр II хорошо понимал, что сокрушительное поражение России в последней Крымской войне, падение Севастополя и последовавшая затем полная политическая изоляция России в Европе явились прямым следствием пагубной внутренней политики его отца. Требовались радикальные и немедленные перемены. Уже в 1856 г. Александр II подписывает Парижский мирный договор с Турцией, а в 1861 г. предпринимает один из самых значительных внутривластных шагов за всю историю страны – отменяет крепостное право. Затем одна за другой следуют судебная, земская и военная реформы.

Популярность Александра II достигает наивысшей точки. В народе его прозвали «Освободителем». Казалось, его царствование будет наиболее либеральным. Но в январе 1863 г. вспыхивает очередное Польское восстание. Пламя восстания перекидывается на Литву, часть Белоруссии и Правобережную Украину. В 1864 г. восстание было подавлено, Александр был вынужден провести в Польше ряд прогрессивных реформ, однако авторитет царя был подорван. В столице заговорили о возврате к николаевским порядкам.

И началась беспрецедентная охота на царя террористами всех мастей и окрасок. На него было совершено восемь покушений, последнее из которых увенчалось успехом. 1 марта 1881 г. Александр II был убит. В России император Александр II навсегда получил новое имя: Царь-мученик. Понятно, что не обошлось без злорадства. По столице ходил анекдот, по обилию конкретных бытовых деталей скорее похожий на полулегендарную курьезную правду.

Серпульский купец в конце февраля 1881 года поехал в Казань по делам. Возвращаясь обратно, он заехал в Березовку. Это случилось как раз в марте. В Березовке он услышал об убийстве Александра II. И вот купец, желая поделиться с женой сильным впечатлением и, кстати, предупредить ее о своем приезде, послал ей такую телеграмму: «Сделал дело. Царя убили. Топи баню».

В тот несчастный день 1 марта 1881 г., по возвращении с прогулки, император будто бы должен был подписать первую за всю тысячелетнюю историю России конституцию.

Вступивший на престол Александр III известен в истории России своим прозвищем Царь-миротворец. Во время его царствования, с 1881 по 1894 г., Россия не вела ни одной войны. Хорошо понимая нужды государства и остро чувствуя настроения подданных, Александр во главу своего правления возвел мощную идею русификации страны. Это затрагивало самые сокровенные струнки русского народа. Пример подавал лично, за что получил характеристику «самого русского царя». Едва взодя на престол, Александр III, согласно одной легенде, вызвал к себе в кабинет несколько особенно доверенных лиц и, оглядываясь по сторонам, не подслушивает ли кто, попросил откровенно сказать ему «всю правду»:

– Чей сын Павел I? – спросил на второй день после воцарения Александр III графа Гудовича.

– Скорее всего, отцом императора Павла Петровича был граф Салтыков, – ответил Гудович.

– Слава Тебе, Господи, – воскликнул Александр III, истово перекрестившись, – значит, во мне есть хоть немножко русской крови.

На это облегченное восклицание следует обратить особое внимание. По официальным данным, у Александра III было всего 1/64 русской и 63/64 – немецкой крови. По традиции, идущей с петровских времен, наследники российского престола могли заключать браки только с равными себе по крови царственными особами. Понятно, что в России таких не могло быть по определению. Для наследников престола ими стали представители одной из германских династий. К своей 1/64 русской крови Александр относился исключительно ревностно. Сохранилось предание, скорее, похожее на анекдот из армейской жизни:

Однажды императору представляли членов штаба одного из армейских корпусов. Когда седьмой по счету прозвучала фамилия Козлов, Александр Александрович не удержался от восклицания:

– Наконец-то!

Все остальные фамилии были немецкого происхождения, начинались на «фон» или имели окончания на «гейм» или «бах».

Свои прославянские симпатии Александр III не скрывал, старательно внедрял их в сознание своих подданных, о них должны были знать и за границами Российской империи.

Однажды во время застолья австрийский посланник пригрозил выставить свой корпус по русским границам. Александр III завязал большую серебряную вилку в узел, бросил в сторону австрияка и сказал:

– Вот что мы с вашим корпусом сделаем.

Однажды в Гатчине, во время рыбалки, до которой царь был весьма охоч, его отыскал министр с настоятельной просьбой немедленно принять посла какой-то великой державы.

– Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать, – спокойно ответил император.

Последний русский царь из династии Романовых, старший сын императора Александра III Николай II родился 6 мая 1868 г., в день поминаения святого великомученика Глеба. Это мистическое обстоятельство не могло не наложить отпечаток как на самого императора, так и на общественное мнение о нем. В Петербурге о Николае ходили невеселые слухи. Говорили о какой-то его болезни, о слабой воле и слабом уме, а в связи с его отношениями с балериной М. Ф. Кшесинской судачили о том, что связь эта не случайна. Будто бы она была подстроена по личному указанию его отца императора Александра III как лекарство от некой дурной привычки, которой якобы страдал наследник. Вообще поговаривали, что император считал своего сына неспособным царствовать и настаивал будто бы на его отречении от наследования престола.

Между тем частная жизнь Николая II отличалась скромностью и простотой. Он был верным и преданным мужем, хорошим семьянином и прекрасным отцом. Но именно это часто ставилось ему в вину. Его прозвищем было: «Большой господин маленького роста». В государственных делах Николай II отличался завидной выдержкой, серьезно и долго обдумывал те или иные решения.

Но все эти, что называется, домашние качества императора оборачивались ему во вред. Простота в общении делала его в глазах недоброжелателей простачком, выдержка – тугодумом, и так далее. Долгое время в Петербурге были популярны анекдоты, связанные с коронацией Николая:

В одной из столичных газет появилось сообщение, в которое вкралась хоть и досадная, но весьма характерная опечатка: «На голове царствующего венценосца ослепительным блеском сияла ворона», – сообщила газета своим читателям.

Этот анекдот в Петербурге был настолько популярен, что породил множество подражаний. Появились еще более острые варианты. Вот один из них:

После газетного отчета о коронации Николая II появилась редакционная поправка: «В словах нашего отчета «митрополит возложил на голову его императорского величества ворону» вкралась досадная опечатка. Редакция приносит свои извинения и просит эти слова читать следующим образом: «митрополит возложил на голову его императорского величества корову»».

И самое главное состояло в том, что какая-то потаенная правда во всем этом была. В народе это чувствовали, хоть и не всегда могли сформулировать.

В 1904 г. в Берлине вышла книга «Анекдоты русского двора». Но даже с поправкой на некоторую тенденциозность, авторам этих анекдотов нельзя отказать в проницательности.

Однажды Николай II, будучи в театре, обратил внимание на человека с большой густой шевелюрой и поинтересовался, кто он.

– Мне кажется, что это известный поэт, – сказал его величеству сидевший позади министр двора.

– Поэт? Поэт? – заинтересовался император. – Может быть, это сам Пушкин?

Его величество Николай II изволил быть в театре на бенефисе одной знаменитой и своей любимой артистки. Идет «Нора». Его величество видит в первый раз Ибсена вообще и «Нору» в частности.

После спектакля его величество приглашает к себе в ложу директора своих театров с выражением ему своего полного удовольствия.

– Я очень доволен игрой и исполнением, – замечает его величество. – Но скажите на милость, зачем это в конце моя любимая артистка убегает и от мужа, и со сцены?

Когда на Востоке появилась холера, Николай II был немного встревожен этим обстоятельством, опасаясь, чтобы эпидемия не была занесена в Петербург. Вскоре его величество производил смотр войскам Санкт-Петербургского военного округа.

– Братцы, – начал он, – на востоке нашего любезного отечества шалит холера. Но здесь, в Петербурге, я строго запрещаю вам подобное свинство.

– Рады стараться, Ваше Величество, – ответили в один голос солдаты.

Однажды Николай II отправился посетить военный госпиталь. Предусмотрительное военное начальство устроило так, что больных вовсе не было, а все только выздоравливающие.

– Чем болен этот? – осведомился государь у постели одного солдата.

– У него был тиф, Ваше Величество, – доложил начальник госпиталя.

– Тиф? – переспросил его величество. – Знаю, сам имел. От такой глупой болезни или умирают, или, оставшись в живых, сходят с ума.

Стоял превосходный летний день, Николай II, не удовольствуясь прогулкой по парку, прилегавшему к его летнему дворцу, забрел со своим адъютантом в ближайший лес. Вдруг он слышит кукование: «Ку-ку, ку-ку».

– Что это? – спрашивает его величество.

– Это кукушка, Ваше Величество, – поясняет адъютант.

– Кукушка? – переспрашивает царь. – Ну, точь-в-точь как часы в нашем швейцарском павильоне.

Николай II, интересуясь успехами техники, осматривает новый мост через Неву. Выразив в достаточной, как ему казалось, мере свое удовольствие, Николай II задумывается и обращается к сопровождающему инженеру-строителю с вопросом, почему быки моста с одной стороны заострены углом, а по другую сторону моста закруглены.

– Ваше Величество, – ответил инженер, – это делается для того, чтобы при ледоходе лед разбивался об острия.

– Спасибо... Вполне правильно, – отвечает его величество, – но скажите, пожалуйста, как же это будет, если лед двинется весной с другой стороны?

Николай II посетил Манеж, чтобы присутствовать на кавалерийских состязаниях офицеров. Его величество остался всем доволен, но от его внимания не ускользнуло, что на одном и том же месте Манежа все лошади словно чего-то пугаются. Командир поспешил разъяснить его величеству, что испуг лошадей происходит по той причине, что солнечные лучи, пробиваясь сквозь окна Манежа, образовали в одном месте на песке яркие блики.

– Закон природы, Ваше Величество, – добавил, словно в оправдание, офицер.

– Надо бы заранее посыпать это место свежим песком, – строго заметил его величество.

Когда в Петербурге была открыта сельскохозяйственная выставка, Николай II со всей своей свитой присутствовал на открытии. После молебна государь совершает обход выставки и, между прочим, входит в отделение искусственных удобрений. Министр земледелия дает нудные пояснения и обращает внимание его величества, как чрезвычайно важно для сельского хозяйства иметь дешевые искусственные удобрения.

– Все это прекрасно, – говорит Николай, – но скажите, пожалуйста, что, собственно, дают мужики своим коровам, чтобы те давали искусственные удобрения?

Отечественный фольклор не столь изощрен. Но зато он обладает другим, не менее важным качеством. Он более откровенен.

Один мужик прилюдно назвал Николая II дураком. Кто-то донес уряднику, и тот вызвал мужика на допрос.

– Это я не про нашего Николая сказал, – оправдывается мужик, – а про черногорского царя. Он тоже Николай.

– Не морочь мне голову, – говорит урядник, – если дурак, то это уж точно наш.

Купчиха Семижопова написала на высочайшее имя прошение об изменении фамилии. Николай наложил резолюцию: «Хватит и пяти».

Жизнь Николая II закончилась трагически. В ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге по приказу ленинского правительства бывший русский царь Николай II, или «гражданин Романов», как его теперь называли, вместе со всей своей семьей, включая детей, был расстрелян. Однако его жизнь в фольклоре продолжалась. Сразу после революции, когда большинство населения несчастной России начало понимать, что в октябре 1917 г. они «обНИКОЛИАлись», то есть догадались, что у них теперь не будет НИ КОЛИА, ни двора, стали появляться новые анекдоты о последнем русском императоре с претензиями к нему. И если до революции анекдоты носили скорее бытовой характер, то теперь они все больше и больше стали окрашиваться в опасные политические цвета.

Советское правительство посмертно наградило гражданина Романова Николая Александровича, бывшего царя Николая II, орденом Октябрьской революции за создание в стране революционной ситуации.

Кстати, этот анекдот неожиданно спровоцировал вопрос, заданный слушателем знаменитому «Армянскому радио»:

– Почему Николая II не наградили орденом Трудового Красного Знамени?

– Потому что не смог заготовить продовольствия на каких-то семьдесят лет, – уверенно ответило «Армянское радио».

Понять такую несправедливость по отношению к своему народу было не просто. Гневу и возмущению трудящихся не было предела. Вероятно, даже советский человек понимал, что другого способа прокормить свою страну у коммунистов не было. Вот и нашли виноватого.

Ленинградец идет по Невскому проспекту и громко возмущается:

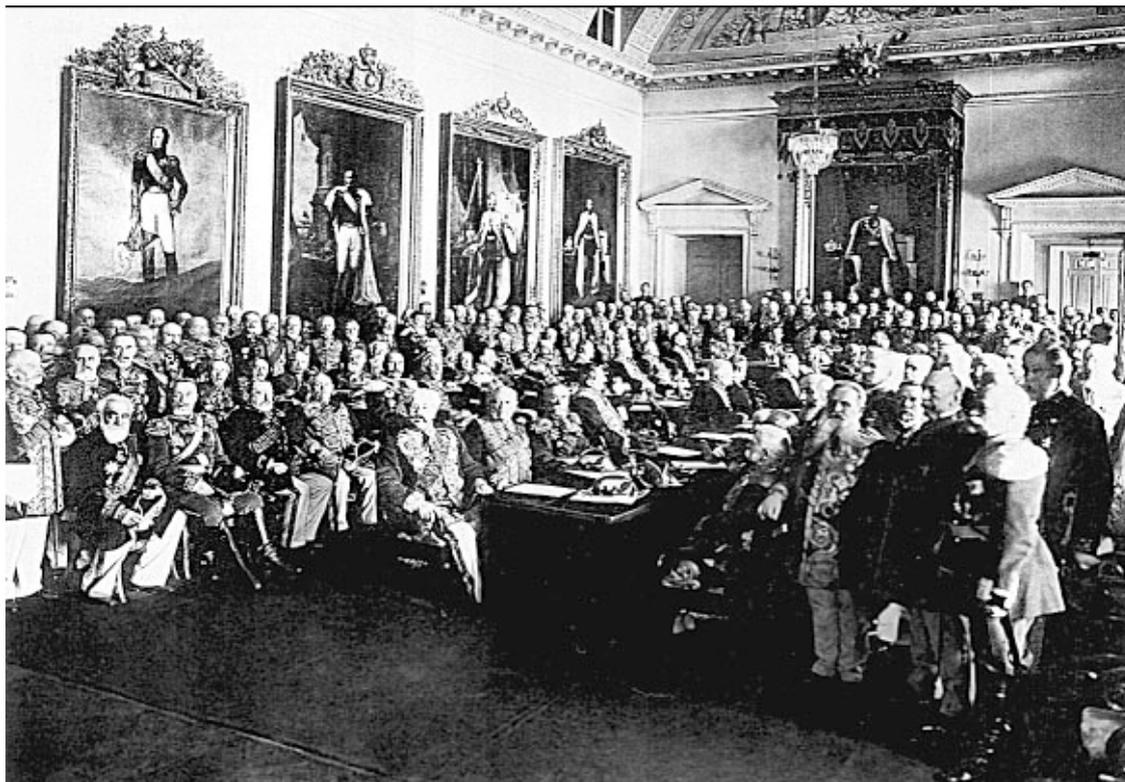
– Вот дураки! Вот паразиты! Вот мерзавцы!

Его, естественно, задерживают, приводят в Большой дом и требуют объяснить, кого он имел в виду.

– Как кого?! Конечно Романовых! Не могли за 300 лет заготовить продуктов на какие-то семьдесят.

Глава 2. Петербург чиновный и придворный

С появлением зачатков гражданского общества, которое зарождалось в аристократических салонах, надобность в шутах стала исчезать. Некоторые рудименты этого явления дожили до царствования Павла I, а затем полностью исчезли из российской придворной жизни. Однако царевы шуты оставили такой яркий след в государственной жизни страны, что память о них и сами имена этих шутов сохранились в народном сознании наравне с именами их хозяев – русских императоров.

Если известное утверждение, будто «короля делает его окружение», верно, то становится ясно, что без рассказа о чиновном и придворном окружении русских императоров представление об их частной жизни и государственной деятельности было бы неполным, а зачастую и искаженным. Кроме того, в значительной степени благодаря придворным, их мемуарам и воспоминаниям мы узнаем многие любопытные подробности русского дворцового быта. Но не только.

Со времен Петра I при царском дворе получило развитие такое общественно-социальное явление, как фаворитизм. Первым фаворитом, или, как это толкуют словари, лицом особо приближенным к императору, был, как известно, Александр Данилович Меншиков. Правда, тогда этот институт власти так еще не назывался, и потому Меншикова чаще всего называли просто любимчиком государя.

Расцвет фаворитизма пришелся на так называемый женский век русской истории, когда фавориты, временщики и любовники императриц сливались в одно лицо. В этом смысле самыми знаменитыми фаворитами следует считать Эрнеста Бирона и Григория Потемкина. Один из них был любовником императрицы Анны Иоанновны, другой – Екатерины II. Понятно, что вслед за особами царской крови пристальное внимание фольклора было обращено и на фаворитов.

Репутация Бирона среди петербуржцев была самой невысокой. Не жаловал его и фольклор. Сохранился анекдот, приписываемый молвой шуту Кульковскому. О Кульковском мы еще скажем особо, на соответствующих страницах книги, а пока анекдот о Бироне:

– *Что думают обо мне россияне?* – спросил однажды Бирон шута.

– *Ваша светлость,* – ответил тот, – *одни называют вас богом, другие сатаной, и никто – человеком.*

В отличие от Бирона, Потемкина в народе любили. Народу импонировала широта его натуры. Он был добродушен, щедр и хлебосолов. Если верить фольклору, Потемкин, достигнув высокого общественного положения, никогда не забывал о своем скромном происхождении и о людях, с которыми провел юные годы. Согласно одному историческому анекдоту, однажды дьячок, у которого Потемкин в детстве учился читать и писать, состарившись и сделавшись неспособным исполнять службу, приехал в Петербург просить у князя работу.

Дьячок пришел к Потемкину и изложил свою просьбу.

– *Так куда же тебя приткнуть?* – задумался князь.

– *А уж не знаю, сам придумай,* – ответил дьячок.

– *Трудную, брат, ты мне задал задачу. Приходи завтра, а я между тем подумаю.*

На другой день, проснувшись, светлейший вспомнил о своем старом учителе и велел его позвать.

– *Ну, старина, нашел я для тебя отличную должность. Знаешь Исаакиевскую площадь?*

– *Как не знать; и вчера, и сегодня через нее к тебе тащился.*

– *Видел фальконетов монумент Петра Великого?*

– *Еще бы!*

– *Ну, так сходи же теперь, посмотри, благополучно ли он стоит на месте, и сейчас мне доложи.*

Дьячок в точности исполнил его приказание.

– *Ну что?* – спросил Потемкин, когда он возвратился.

– *Стоит, ваша светлость.*

– *Ну и хорошо. А ты за этим каждое утро наблюдай, да аккуратненько мне доноси.*

Жалованье тебе будет производиться из моих доходов. Теперь можешь идти домой.

Дьячок до самой смерти исполнял эту обязанность и умер, благословляя Потемкина.

Хотя иногда «Исполин всех времен», как называли Потемкина в народе, мог быть и рассерженным, и недовольным. Впрочем, он был отходчив, и вспышки гнева были недолгими. То же самое состояние он признавал за другими. Вот анекдот, записанный Пушкиным:

– *Знаете ли вы, хохлачи,* – сказал однажды Потемкин, *недовольный запорожцами,* – *что у меня в Николаеве такая колокольня строится, что как станут на ней звонить, так в Сечи будет слышно?*

– *То не диво,* – отвечали запорожцы, – *у нас в Запорожщине е такие кобзары, що як заиграють, то аже у Петербурги затанцують.*

Но больше всего в этом «Циклопе», а это еще одна его кличка, ценились его добродушие и самоирония. Жил Потемкин широко и роскошно. Дом его был открыт, а столы ломились от изысканных блюд и невиданных яств. Согласно городскому преданию, Петербург обязан Потемкину первыми фруктовыми лавками, которые при нем появились на Невском проспекте. Этот вельможа требовал себе к столу свежих вишен, малины и винограда даже зимой. В Петербурге рассказывали, что самому князю уху подавали в «огромной серебряной ванне, весом в семь-восемь пудов». По преданию, «князю готовили уху из аршинных стерлядей и кронштадтских ершей» в кастрюлях, в которые входило до двадцати ведер жидкости. О великолепной потемкинской кухонной ванне из серебра сохранился анекдот, записанный П. А. Вяземским:

В Таврическом дворце князь Потемкин в сопровождении Левашова и князя Долгорукова проходил через уборную комнату мимо ванны.

– Какая прекрасная ванна! – сказал Левашов.

– Если берешься ее всю наполнить [это в письменном варианте, а в устном тексте значит другое слово], я тебе ее подарю, – сказал Потемкин.

Левашов обратился к Долгорукову, который слыл большим обжорой:

– Князь, не хотите ли попробовать пополам?

Отметим одно немаловажное и весьма любопытное обстоятельство. На анекдоты, рассказываемые нами, в свое время обратили внимание такие искушенные в литературе авторы, как Александр Сергеевич Пушкин и Петр Андреевич Вяземский. Это не случайно. Кроме собственно фольклорных свойств, присущих только анекдотам, они обладали еще и мощным влиянием на общественное мнение, и известными художественными достоинствами, оцененными далеко не худшими представителями русской литературы. Вот и Николай Васильевич Гоголь в «Ночи перед Рождеством», рассказывая о фантастическом появлении кузнеца Вакулы в Петербурге, вписал в повествование анекдот о Потемкине:

В Зимнем дворце. Входит Потемкин.

– Это царь? – оглядываясь по сторонам, спрашивает пораженный Вакула.

– Куда там царь! Это сам Потемкин, – отвечают ему знатоки.

Последним представителем русского фаворитизма можно считать Алексея Андреевича Аракчеева. Аракчеев слыл одной из самых одиозных и неоднозначных фигур сразу двух царствований – павловского и александровского. Свое головокружительное восхождение по иерархической лестнице он начал в Гатчине, еще при Екатерине II. Аракчеев был замечен и выделен наследником престола Павлом Петровичем. Он был назначен комендантом Гатчины и одновременно начальником сухопутных войск наследника, а с восшествием Павла Петровича на престол стал комендантом Петербурга. В 1799 г. Аракчеев возводится в графское достоинство. Через восемь лет, уже при императоре Александре I, становится генералом, а еще через год – военным министром. Он был беспрекословно исполнителен и предан. Даже на его гербе было начертано: «Без лести предан». Но исполнительность эта была типично солдатской, бездумной, а преданность – рабской. Однако именно это ценилось в нем превыше всего. Во время частого отсутствия Александра I в столице Аракчеев фактически руководил государством.

Многочисленные прозвища, которыми наградила народ Аракчеева, вполне исчерпывают его противоречивую характеристику. «Гатчинский капрал» и «Большая обезьяна в мундире», «Граф Огорчеев» и «Змей Горыныч», «Сила Андрейч» и «Гений зла» и даже «Страшилище России» – видимо, далеко не все, что сохранилось о нем в фольклоре. Прозвищам временщика вторят и анекдоты о нем.

Инспектируя однажды роту артиллерии, которой командовал Ермолов, Аракчеев нашел артиллерийских лошадей в неудовлетворительном состоянии и строго заметил:

– Знаете ли, сударь, что от этого зависит вся ваша репутация?

– К несчастью, знаю, – ответил Ермолов, – наша репутация часто зависит от скотов.

Невысокого мнения об Аракчееве был и официальный Петербург. Однажды в свете распространился слух, что Аракчеева собираются избрать почетным членом Академии художеств. Можно предположить, что вопрос об избрании обсуждался как в самых высоких придворных кабинетах, так и в стенах самой Академии. Не случайно мнение по этому вопросу конференц-секретаря Академии А. Ф. Лабзина стало сюжетом городского анекдота.

Президент Академии предложил в почетные члены Аракчеева. Лабзин спросил, в чем состоят заслуги графа в отношении к искусствам. Президент не нашелся и отвечал, что Аракчеев – «самый близкий к государю».

– Если эта причина достаточна, то я предлагаю кучера Илью Бажова, – заметил секретарь, – он не только близок к государю, но и сидит перед ним.

В обществе Аракчеева не щадили. Этот временщик был столь ненавистен, что даже его личная трагедия породила безжалостные анекдоты.

Когда была убита любовница и управительница Аракчеева Анастасия Минкина, тело ее было погребено в Грузии и на постаменте сделана надпись: «Здесь покоится прах Анастасии».

Нашелся человек, который, ненавидя временщика, под этой подписью приписал: «...и Аракчеева к себе зовет для благодати России».

Когда протоирея Андреевского собора в селе Грузии просили написать воспоминания о подробностях грузинской жизни, он каждый раз говаривал:

– Принимался, но не могу. Правду писать об Аракчееве надобно не чернилами, а кровью.

Героями и персонажами городских анекдотов становились и военачальники. Это неудивительно. В стране, которая непрерывно находилась в состоянии войны или подготовки к ней, полководцы не могли не играть значительную роль в политической и общественной жизни государства. Полководцев в народе чтили наравне с лицами царской крови. Не зря в столице долгое время существовало негласное правило, согласно которому ставить монументальные памятники на городских улицах и площадях можно было только двум категориям людей, отличившихся перед Отечеством: лицам императорской крови и полководцам.

И действительно, первые памятники военачальникам в Петербурге были установлены на Марсовом поле. Один из них представлял собой традиционный мемориальный обелиск с посвящением: «Румянцева победам», второй – монументальную скульптуру бога войны в древнеримских военных одеждах, в которой легко узнавался Александр Васильевич Суворов. Судьба памятников была непростой. В 1818 г. они были перенесены на новые места. Памятник Румянцеву – в сквер на набережной Невы на Васильевском острове, а памятник Суворову – в центр вновь созданной площади рядом с Марсовым полем. Оба памятника до сих пор являются украшением Петербурга.

Крупнейший русский полководец, генералиссимус князь Александр Васильевич Суворов утверждал, что род его восходит к некоему шведу, который не то в XVI, не то в XVII в. воевал в рядах русской армии. Этому обстоятельству Суворов, видимо, придавал немаловажное значение. В его глазах быть потомком солдата-шведа было почетно. Швеция издавна славилась опытными и достойными воинами, охотно служившими во многих армиях тогдашней Европы.

Свою военную карьеру Суворов начинал капралом в 1748 г. Долголетний опыт воинской службы позволил Суворову выработать полководческие принципы, которым он следовал всю жизнь и которые легли в основу многих воинских уставов. Все эти принципы сводились к стратегии и тактике, заключающимся в полном и окончательном разгроме противника в условиях открытого боя. За всю свою жизнь Суворов не проиграл ни одного сражения. Не зря о нем говорили: «Суворова никто не пересуворит». В народе он и сам был известен как мастер острых и лапидарных афоризмов, многие из которых стали пословицами и поговорками.

Большинство анекдотов о Суворове основаны на его находчивости и остроумии, чаще всего свидетельствовавшими о его независимом и не всегда удобном для окружающих характере.

Суворов был приглашен к обеду во дворец. Занятый разговорам, он не касался ни одного блюда. Заметив это, Екатерина спрашивает его о причине.

– Он у нас, матушка-государыня, великий постник, – отвечает за Суворова Потемкин, – ведь сегодня сочельник, он до звезды есть не будет.

Императрица, подзвав пажу, пошептала ему что-то на ухо; паж уходит и через минуту возвращается с небольшим футляром, а в нем находилась бриллиантовая орденская звезда, которую императрица вручила Суворову, прибавив при этом, что теперь уже он сможет разделить с нею трапезу.

Однажды Екатерина упрекнула Суворова, что он не бережет свое здоровье и ездит без шубы, и подарила ему богатую соболью шубу. Суворов благодарил и, едя во дворец, садил с собой в карету слугу, который держал шубу на руках и надевал на него при выходе его из кареты.

– Смею ли я ослушаться императрицы, – говорил Суворов, – шуба со мной, а нежиться солдату нехорошо.

На одном придворном балу Екатерина II, желая оказать внимание Суворову, спросила его:

– Чем потчевать дорогого гостя?

– Благослови, царица, водкою, – ответил Суворов.

– Но что скажут красавицы-фрейлины, которые будут с вами разговаривать? – заметила Екатерина.

– Они почувствуют, что с ними говорит солдат.

Суворов уверял, что у него семь ран: две получены на войне, а пять – при дворе, и эти последние, по его словам, были гораздо мучительнее первых.

К сожалению, анекдотами о другом великом полководце – Михаиле Илларионовиче Кутузове – мы не располагаем. Трудно предположить, что их не было. Скорее всего, они затерялись во времени либо не имеют отношения к Петербургу. Поэтому ограничимся анекдотами, возникшими о памятнике великому полководцу, обратив особое внимание на анекдот, объясняющий причину его установки.

Памятники Михаилу Илларионовичу Кутузову и Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли были открыты 29 декабря 1837 г. в ознаменование 25-й годовщины победы России над Наполеоном. Памятники установлены симметрично на площади перед Казанским собором, лицом к Невскому проспекту. Бронзовые фигуры отлиты по моделям, исполненным скульптором Б. И. Орловским.

Оба памятника, составившие общую скульптурную композицию, стали героями петербургского фольклора одновременно.

*Барклай-де-Толли и Кутузов
В 12-м году морозили французов.
А ныне благородный росс
Поставил их самих без шапок на мороз.*

Почва для возникновения острых и ядовитых стихов и острых анекдотов была благодатная. Для этого годилось все: от отсутствия воинских головных уборов, что было сразу же подмечено в декабрьскую стужу, когда памятники были торжественно открыты, до выразительной жестикуляции обоих полководцев, как бы разговаривающих друг с другом:

– Куда и кому указывает рукой Кутузов у Казанского собора?

– На аптеку. Барклаю-де-Толли, который держится рукой за живот.

Та же тема дружественной взаимовыручки звучит и в стихах:

Барклай-де-Толли говорит:

- *У меня живот болит.*
- А Кутузов отвечает:*
- *Вот аптека. Полегчает.*

А вот как городской фольклор распорядился именем Кутузова в вечном, непрекращающемся споре между двумя столицами. Интересно отметить, что этот анекдот имеет «школьное» происхождение. Он из серии так называемых «ответов с места»:

- *Почему Кутузову в Петербурге памятник поставили?*
- *Да потому, что он французам Москву сдал.*

Еще один анекдот из эпохи войны с Наполеоном мы включили в наше повествование только потому, что он живо характеризует еще один яркий персонаж петербургской истории, князя Петра Ивановича Багратиона. Потомок древнейшего и знаменитейшего царского рода в Грузии в Отечественную войну 1812 г. командовал 2-й армией. Судьба не дала ему возможность увидеть победу русского оружия над Наполеоном. Вплоть до Бородина ему пришлось отступать. А в Бородинском сражении Багратион получил ранение осколком гранаты в ногу. Считается, что это ранение оказалось смертельным. На самом деле это не так. Рана вовсе не была опасной, но, как рассказывают очевидцы, узнав о падении Москвы, Багратион «впал в состояние аффекта и стал в ярости срывать с себя бинты». Это привело к заражению крови и последовавшей затем смерти полководца.

В народе по достоинству оценили полководческий талант Багратиона. В Петербурге фамилию князя Петра Ивановича с гордостью произносили: «Бог рати он». Таким же он предстает и в анекдоте:

Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал:

– *Главнокомандующий приказал доложить Вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить.*

Багратион отвечал:

– *Неприятель у нас на носу? На чьем? Если на вашем, то он близко, а коли на моем, так мы успеем еще отобедать.*

Почти через сто лет после описанных нами событий Отечественной войны 1812 г., во время другой войны, Русско-японской 1904-1905 гг., крепостью Порт-Артур командовал генерал-лейтенант Анатолий Михайлович Стессель. В декабре 1904 г. Во время осады крепости японцами, исключительно благодаря проявленной Стесселем профессиональной бездарности и личной трусости, Порт-Артур был сдан неприятелю. Военным судом Стесселя приговорили к смертной казни. Но параллельно с приговором на суде было зачитано и обращение того же суда о ходатайстве перед Николаем II заменить смертную казнь заключением Стесселя в Петропавловскую крепость на десять лет. В Петербурге в ту пору ходил анекдот:

– *Что с того, что Стесселя посадят в крепость; он ее опять сдаст.*

Судя по толковым словарям, придворные – это не вообще все служащие дворцового ведомства, а только те из них, которые находились непосредственно при особе царствующего монарха и членов его семьи. В основном это были фрейлины, статс-дамы, личные секретари, гофмаршалы, распорядители, то есть все те, кто, так или иначе, обеспечивал уклад и порядок жизни, работы и отдыха членов царского дома.

Вот почему, с некоторыми оговорками, к придворным, наряду с государственными чиновниками и известными военными деятелями, мы отнесли и придворных шутов, институт которых Россия унаследовала от династии Рюриковичей. Должность царских шутов сохранялась вплоть до екатерининской эпохи. Шутов любили. Они выполняли важную социальную роль, служили неким клапаном для выпуска пара из кипящего котла общественного мнения.

С появлением зачатков гражданского общества, которое зарождалось в аристократических салонах, надобность в шутах стала исчезать. Некоторые рудименты этого явления дожили до царствования Павла I, а затем полностью исчезли из российской придворной жизни. Однако царевы шуты оставили такой яркий след в государственной жизни страны, что память о них и сами имена этих шутов сохранились в народном сознании наравне с именами их хозяев – русских императоров. Главная особенность института придворных шутов состояла в том, что они имели право безбоязненно говорить все, что им вздумается, прямо в глаза сильным мира сего. Им прощалось то, за что другие вздергивались на дыбу, клеймились каленым железом и ссылались на каторжные работы. До сих пор мы хорошо помним имена самых знаменитых «увеселительных», как их называли современники, шутов Ивана Балакирева, Адама Педрилло, Яна д'Акосты, Кульковского.

Самый известный из них – Иван Александрович Балакирев. Из биографии Балакирева известно, что в юности он, дворянин по рождению, был зачислен в штат придворных слуг и попал под начальство камергера Виллима Монса. Еще при Петре I Балакирев прославился своими шутками, смелость высказываний в которых иногда граничила с откровенным вольнодумством. Казалось, авторитетов для Балакирева не существовало. Но случилось непоправимое. Виллим Монс был замечен в интимной связи с императрицей, обвинен в измене и казнен, а Балакирева привлекли к суду и отправили в ссылку.

Как и следовало ожидать, едва заняв престол после смерти Петра I, Екатерина I, сама чуть не пострадавшая от любви к несчастному камергеру, вернула Балакирева из ссылки и произвела в поручики Преображенского полка.

В 1830 г., через много лет после смерти Балакирева, в Берлине вышел в свет «Сборник анекдотов Балакирева», среди которых нашли место и те, что ни по времени, ни по месту действия никак не могли принадлежать известному придворному шуту трех императоров – Петра I, Екатерины I и Анны Иоанновны. Из этого легко сделать вывод о популярности любимого шута Петра I Ваньки Балакирева, популярности, которой хватило не только на целых три царствования, но и на многие десятилетия вперед.

- *Как ты, дурак, попал во дворец?* – *насмешливо спросил Балакирева один придворный.*
- *Да все через вас, умников, перелезал,* – *ответил Балакирев.*

На обеде у князя Меншикова хвалили обилие и достоинства подаваемых вин.

– У Данилыча во всякое время найдется много вин, чтобы виноватым быть, – *сказал Балакирев.*

Однажды случилось Балакиреву везти государя в одноколке. Вдруг лошадь остановилась посреди лужи для известной надобности. Шут, недовольный остановкою, ударил ее и промолвил, искоса поглядывая на соседа:

- *Точь-в-точь Петр Алексеевич!*
- *Кто?* – *спросил государь.*
- *Да эта кляча,* – *отвечал хладнокровно Балакирев.*
- *Почему так?* – *закричал Петр, вспыхнув от гнева.*
- *Мало ли в этой луже дряни; а она все еще подбавляет ее; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты все еще пичкаешь,* – *сказал Балакирев.*

Однажды осенью в Петергофском парке сидели на траве какие-то молоденькие дамы.

Мимо проходил Балакирев, уже старик, седой как лунь.

- *Видно, уже на горах снег выпал,* – *сказала одна дама, смеясь над его седой головою.*
- *Конечно,* – *ответил Балакирев,* – *коровы уже спустились с гор на травку в долину.*

Шуты Балакирев и Педрилло сопровождали Петра Великого на яхте, когда монарх осматривал свой город. Взглянув на Адмиралтейский шпиль, Педрилло сказал:

– Я имею такое острое зрение, что вижу, как на яблоке его сидит комар и правой ногой левое ухо чешет. Ты не видишь этого, Дормидоша?

– Я хотя не так зорек, как ты, зато слышу, как этот комар поет: «Не буди меня, молодцу».

Упомянутый шут Педрилло был современником Балакирева. Впервые имя итальянца из Неаполя Адама Педрилло всплыло в Петербурге в связи с приглашением на коронацию Анны Иоанновны итальянской театральной труппы из Дрездена. В ней Педрилло подвизался на роли комика-певца и играл на скрипке. Не поладив с капельмейстером Франческо Арайя, Педрилло решил остаться в России. Он сам напросился к Анне Иоанновне в придворные шуты и вскоре сделался ее любимцем. Фамилия Педрилло будто бы придумана самим шутом. Она представляет собой более простой для русского произношения вариант от его подлинной родовой фамилии – Пьетро-Мира.

О том, что Педрилло пользовался исключительной благосклонностью и доверием императрицы, говорит тот факт, что, кроме официальной должности придворного шута, он успешно выполнял и другие поручения государыни, в том числе дипломатические. Вел переписку с правящими особами Европы, неоднократно выезжал за границу с личными поручениями Анны Иоанновны.

За десять лет царствования Анны Иоанновны Педрилло стал состоятельным человеком. Причем, если верить фольклору, никогда не стеснялся в способах обогащения, которые иногда носили весьма экзотический характер. Рассказывают, что женат он был на исключительно невзрачной и некрасивой девице, которую при дворе за глаза уничижительно называли «Козой».

Однажды Бирон, решив посмеяться над шутом, спросил его:

– Правда ли, что ты женат на козе?

– Не только правда, но жена моя беременна и вот-вот должна родить, – ответил находчивый шут. – И я смею надеяться, что вы будете столь милостивы, что не откажетесь, по русскому обычаю, навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу.

Бирон рассказал об этом Анне Иоанновне, и той так понравилась затея, что она решила по такому случаю устроить придворное развлечение. Она приказала Педрилло после родов жены лечь в постель с настоящей козой и пригласила весь двор навестить «счастливую пару» и поздравить с семейной радостью. Понятно, что каждый должен был оставить подарок на зубок младенцу. Таким образом, Педрилло в один день нажил немалый капитал.

После кончины Анны Иоанновны Педрилло вернулся в Италию. О дальнейшей его жизни, похоже, ничего не известно.

Еще будучи придворным шутом, Педрилло составил сборник анекдотов, который впервые был опубликован в 1836 г. под названием «Умные, острые, забавные и смешные анекдоты Адамки Педрилло, бывшего шутком при дворе Анны Иоанновны во время регентства Бирона». Вот только три из них:

В Петербурге ожидали солнечного затмения. Педрилло, хорошо знакомый с профессором Крафтом, главным петербургским астрономом, пригласил к себе компанию простаков, которых уверил, что даст им возможность увидеть затмение вблизи. Между тем велел подать пива и угощал им компанию. Наконец, не сообразив, что время затмения уже прошло, Педрилло сказал:

– Ну, господа, нам ведь пора.

Компания поднялась и отправилась на другой конец Петербурга.

Лезут на башню, с которой следовало наблюдать затмение.

– Куда вы, – заметил им сторож, – затмение уже давно кончилось.

– Ничего, любезный, – возразил Педрилло, – астроном мне знаком – и все покажет сначала.

Педрилло, прося у герцога Бирона пенсию за свою долгую службу, говорил, что ему нечего есть. Бирон назначил ему пенсию в 200 рублей. Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбой о пенсии.

– Как, разве тебе не назначена пенсия?

– Назначена, ваша светлость! И благодаря ей я имею, что есть. Но теперь мне решительно нечего пить.

Герцог улыбнулся и снова наградил шута.

Герцог для вида имел у себя библиотеку, директором которой назначил известного глупца. Педрилло с тех пор называл директора герцогской библиотеки не иначе как евнухом, и когда у Педрилло спрашивали: «С чего ты взял такую кличку?» – то шут отвечал: «Как евнух не в состоянии пользоваться одалисками гарема, так и господин Гольдбах – книгами управляемой им библиотеки его светлости».

Еще один шут – Ян д'Акоста – происходил из португальских евреев. Ни место, ни время его рождения историки не знают. До приезда в Россию он служил в Гамбурге, «исправляя должность адвоката». Но должность эта ему не понравилась, и он «пристал к российскому резиденту», с которым и приехал в Петербург. Петр смешного и веселого д'Акосту полюбил и вскоре причислил его к придворным шутам. В Петербурге д'Акоста принял православие, но относился к этому довольно легко и, судя по анекдотам, любил в связи с этим подшучивать как над собой, так и над своими вновь обретенными единоверцами.

Через шесть месяцев после принятия православия духовнику д'Акосты сказали, что новообращенный не выполняет никаких обрядов православия. Духовник, призвав к себе д'Акосту, спрашивал тому причину.

– Батюшка! – сказал шут. – Когда я сделался православным, не вы ли сами мне говорили, что я стал чист, словно переродился?

– Правда, правда, говорил, не отрицаюсь.

– А так как тому прошло не больше шести месяцев, как я переродился, то можно ли требовать чего-нибудь от полугодового младенца?

Духовник, при всей своей серьезности, не мог не рассмеяться.

Д'Акоста отличался философским складом ума и редким жизнелюбием. Даже на смертном одре он не забывал, что был царским шутком. В России это звание всегда считалось почетным.

Два господина – стряпчий и лекарь – спорили однажды: кому из них идти вперед? Пригласили д'Акосту решить их спор.

– Вору надобно идти вперед, а палачу за ним! – отвечал шут.

Несмотря на свою скупость, д'Акоста был много должен и, лежа на смертном одре, сказал духовнику:

– Прошу Бога продлить мою жизнь хоть на то время, пока выплачу долги.

Духовник, принимая это за правду, отвечал:

– Желание зело похвальное. Надеюсь, что Господь его услышит и авось либо исполнит.

– Ежели б Господь и впрямь явил такую милость, – шепнул д'Акоста одному из находившихся тут же своих друзей, – то я бы никогда не умер.

Менее известным в истории, однако не менее знаменитым, был шут Анны Иоанновны князь Михаил Алексеевич Голицын. Его биография заслуживает внимания. С рождения он страдал слабоумием, однако служил в армии и даже дослужился до майорского чина. Правда, случилось это, когда возраст Голицына приближался к сорока годам. Потом ушел в отставку и уехал за границу. Там Голицын женился на итальянке и, поддавшись ее настояниям, принял католичество. Переход из одной веры в другую в России не поощрялся, и по возвращении из-за границы в наказание за вероотступничество Голицын был подвергнут строгому выговору. Но, учитывая слабость ума отставного майора, был произведен в шуты.

Более известен был шут Голицын по прозвищам Квасник и Кульковский. Именно он был выбран Анной Иоанновной в качестве жениха калмычки Авдотьи Бужениновой для шутовской свадьбы в знаменитом Ледяном доме, специально для этой цели построенном посреди замерзшей январской Невы.

Надо отметить, что каким бы слабоумным ни считался Кульковский среди современников, его ответы, известные нам по анекдотам той поры, отмечены неподдельным остроумием и находчивостью, которые никогда не изменяли ему вплоть до самой старости.

Кульковский однажды был на загородной прогулке, в веселой компании молоденьких и красивых девиц. Гуляя полем, они увидели молодого козленка.

- Ах, какой миленький козленок! – закричала одна из девиц.*
- Посмотрите, Кульковский, у него и рогов нет.*
- Потому что он еще не женат, – подхватил Кульковский.*

Старик Кульковский, уже незадолго до кончины, пришел однажды рано утром к одной из молодых и очень пригожих оперных певиц. Узнав о приходе Кульковского, она поспешила встать с постели, накинуть пеньюар и выйти к нему.

- Вы видите, – сказала она, – для вас встают с постели.*
- Да, – отвечал Кульковский, вздыхая, – но уже не для меня делают противное.*

Впрочем, Кульковский не ограничивался легким и искрометным юмором приватного характера. Мы знаем анекдоты, в которых его юмор беспощадно разил и безжалостно уничтожал.

Герцог Бирон послал однажды Кульковского вместо себя приемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том Бирону, то тот, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом.

– Не знаю, похож ли я на осла, – сказал Кульковский, – но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу.

Мы уже говорили, что с зарождением в России первых признаков гражданского общества надобность в шутках, которые с завидным бесстрашием бросали обвинения в лицо сильных мира сего, отпала. Однако нужда в людях, способных быть рупорами общественного мнения, сохранялась, и эту обязанность взяли на себя остроумные любимцы аристократических салонов, во множестве появившихся в Петербурге после Отечественной войны 1812 г. Это были наделенные божественным даром острословия великосветские щеголи, искрометные шутки и смелые реплики которых петербуржцы ловили на лету, передавали из уст в уста и распространяли по городу в виде анекдотов. Наиболее известными остроумцами в Петербурге середины XIX в. слыли Александр Сергеевич Меншиков и Александр Львович Нарышкин.

Меншиков был правнуком любимца Петра I, первого губернатора Петербурга Александра Даниловича Меншикова. Он прославился своей храбростью в Отечественную войну 1812 г. Был дважды ранен. Участвовал в турецкой кампании 1828-1829 гг., а в Крымскую войну 1853-1856 гг. был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму руководил обороной Севастополя.

Но более всего Меншиков прославился своим неистоцимым остроумием. Шутки, остроты и анекдоты, едва слетев с уст Меншикова, тут же становились достоянием фольклора. Их пересказывали в аристократических салонах, их можно было услышать на торговых площадях и во время гвардейских попок. Однако сарказма Меншикова в обществе побаивались, и потому, по свидетельству современников, многие его недолго любили. Впрочем, для истории петербургского фольклора это не важно. Вот только некоторые из искрометных шуток Александра Сергеевича:

Однажды Меншиков пожаловался Ермолову, что у него куда-то пропала бритва и он уже три дня не брился.

– Нашел о чем тужить, – ответил Ермолов, – высунь язык и обрейся.

Когда в начале Крымской войны в помощь светлейшему князю Меншикову был прислан генерал-адъютант Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, Меншиков с досадой сказал:

– Я просил подкрепления войском, а меня подкрепили Ерофеевичем.

Как-то раз тяжело заболел министр финансов граф Канкрин. Весь город только об этом и говорил. При встрече друг с другом вместо приветствия многие обменивались последними сведениями о здоровье графа. Однажды герцог Лейхтенбергский спросил о том же встретившегося ему Меншикова:

– Что нового сегодня о болезни Канкрин, Александр Сергеевич?

– Плохие новости, – ответил князь, – ему гораздо лучше.

В свое время в Петербурге были известны три Бибикова: Илья, Дмитрий и Таврило. Одного из них знали как непомерного гордеца, который «возводил свой род чуть ли не от Юпитера», другого – как неумеренного хвастуна, а третьего – как азартного игрока.

Но всех вместе их характеризовали меншиковской остротой, который однажды проговорил:

– Из Бибиковых один надувается, другой продувается, а третий других надувает.

Уже будучи морским министром, Меншиков принял однажды некоего капитан-лейтенанта, который по разным обстоятельствам поменял морскую службу на работу в полиции, где был назначен частным приставом Адмиралтейской части.

Поздоровавшись с бывшим моряком, Меншиков представил его присутствовавшим:

– Вот человек, который обошел все части света, а лучшие второй Адмиралтейской не нашел.

В 1850 году на место заболевшего графа Уварова министром просвещения был назначен князь Ширинский-Шихматов, а товарищем министра – А. С. Норов, который был без одной ноги. Ни новый министр, ни его товарищ, по мнению света, не отличались качествами, необходимыми для таких должностей.

Князь Меншиков, узнав о назначении, сказал:

– И прежде просвещение тащилось у нас как ленивая лошадь, но все-таки было на четырех ногах, а теперь стало на трех, да и то с норвом.

Не менее знаменитым петербургским остроловом был Александр Львович Нарышкин. Старинный дворянский род Нарышкиных, если верить преданию, ведет свою родословную от крымского татарина Нарышки, приехавшего в Москву в 1463 г. Один из Нарышкиных, Кирилл Полиевктович, породнился с династией Романовых, выдав свою дочь Наталью за царя Алексея Михайловича. От этого брака родился будущий император Петр I. Как говорили в старину, «От Нарышкиных Петр Великий произошел». В эпоху Екатерины II был

хорошо известен остро слов и мистификатор обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин. При дворе Екатерины он выполнял, если можно так выразиться, старинные обязанности упраздненных в то время царских шутов.

Сын Льва Александровича, Александр Львович Нарышкин, служил директором императорских театров. Он унаследовал от отца природное остроумие и отличался редким гостеприимством. Дом его на Большой Морской, названный в Петербурге «Новыми Афинами», всегда был полон гостей, среди которых бывали «лучшие умы и таланты того времени». Здесь и рождалось большинство шуток Нарышкина.

Нарышкин не любил Н. П. Румянцева и часто трунил над ним. Последний до конца жизни носил косу в своей прическе.

– Вот уж подлинно скажешь, – говорил Нарышкин, – нашла коса на камень.

Когда принц Прусский гостил в Петербурге, шел непрерывный дождь. Государь изъяснил сожаление.

– По крайней мере, принц не скажет, что Ваше Величество его сухо приняли, – заметил Нарышкин.

Император Павел при вступлении своем на престол пожаловал князьям Александру и Алексею Куракиным несколько тысяч крестьян и богатые рыбные ловли на Волге. Встретив в день издания этого указа Нарышкина, император спросил его:

– Что нового в городе, Александр Львович?

– Все говорят только об одном, – отвечал Нарышкин, – что Ваше Величество изволили посадить обоих Куракиных на хлеб и воду.

Но особенно гремела в Петербурге слава об обедах, устраиваемых им на загородной даче, которая, как и отцовская, находилась на Петергофском шоссе. Сохранился анекдот о расточительности Нарышкина:

Однажды Александр I, присутствовавший на одном из небывалых по размаху праздников, устроенных Нарышкиным, поинтересовался, во что он ему обошелся.

– Ваше Величество, в тридцать шесть тысяч рублей, – ответил Нарышкин.

– Неужели не более? – удивился царь, еще раз взглянув на все это великолепие.

– Ваше Величество, – нашелся Нарышкин, – я заплатил тридцать шесть тысяч рублей только за гербовую бумагу подписанных мной векселей.

Через несколько дней император прислал Нарышкину книгу, в которую влетены были сто тысяч рублей ассигнациями.

Нарышкин, всегда славившийся своей находчивостью, просил передать государю «свою глубочайшую признательность» и добавил, что «сочинение очень интересное и желательно получить продолжение». Александр прислал Нарышкину еще одну книгу с влетеными в нее ста тысячами, но при этом приказал передать, что «издание окончено».

Понятно, что при таком образе жизни Нарышкину и в самом деле постоянно не хватало средств. Он был в вечных долгах и притом «без всякой надежды на оплату кредитов». Взаимоотношения с кредиторами были непростыми, но врожденное чувство юмора помогало Нарышкину выживать.

Однажды кто-то похвалил ему мужество его сына, который в 1812 году отбил у французов редут и стойко его защищал.

– Это наша фамильная черта, – нашелся Нарышкин, – что займут – того не отдадут.

Во время закладки одного корабля в Адмиралтействе государь спросил Нарышкина:

– Отчего ты так невесел?

– Нечему веселиться, – отвечал тот. – Вы, государь, в первый раз в жизни закладываете, а я каждый день.

Нарышкин как-то запоздал на прием к императору.

– Отчего ты так поздно приехал? – спросил у него государь.

– Без вины виноват, Ваше Величество. Камердинер не понял моих слов: я приказал ему заложить карету; выхожу – кареты нет. Приказываю подавать – он подает мне пук ассигнаций. Надобно было послать за извозчиком.

Так как расточительность Нарышкина поглощала все его доходы, то ему часто приходилось быть щедрым только на словах. Поэтому, когда ему нужно было кого-то наградить, он забавно говорил:

– Напомните мне пообещать вам что-нибудь.

В начале 1809 года, в пребывание здесь прусского короля и королевы, все придворные особы давали великолепные балы в честь великосветских гостей. Нарышкин сказал о своем бале:

– Я сделал то, что было моим долгом, но я сделал это в долг.

Получив с прочими дворянами бронзовую медаль в воспоминание 1812 года, Нарышкин сказал:

– Никогда не расстанусь с нею, она для меня бесценна: нельзя ни продать, ни заложить.

Даже умирая, Нарышкин остался верным себе. Его последними словами были:

– Первый раз я отдаю долг – природе.

Петербургская фольклорная традиция долгое время оставалась верна двум своим основным принципам. Все самое смешное и остроумное приписывалось придворным шутам и все самое глупое – военным комендантам или их прямым подчиненным – солдатам.

– Сколько часов било, голубчик? – спросил Александр I часового.

– Тридцать шесть, Ваше Величество.

– ?!?!

– Двенадцать – на Петропавловском, двенадцать – на Думе и двенадцать – на Троицком.

Сейчас уже трудно сказать, кто из комендантов был на самом деле участником тех или иных сюжетов городских анекдотов, но в большинстве из них фигурирует комендант Петропавловской крепости Башуцкий.

По свидетельству современников, генерал-адъютант Павел Яковлевич Башуцкий являл собой удобную мишень, всегда готовую для развлечения великосветской знати. Особенно любили посмеяться над ним в присутствии государя. Да и сам император редко лишал себя удовольствия пошутить над комендантом. Правда, трудно было заранее предугадать, чем эта шутка могла закончиться. Башуцкий был на редкость простодушен и наивен.

– Господин комендант, – сказал однажды Александр I в сердцах Башуцкому, – какой это у вас порядок! Можно ли себе представить!

Где монумент Петру Великому?

– На Сенатской площади.

– Был да сплыл! Сегодня ночью украли. Поезжайте и разыщите!

Башуцкий, бледный, уехал. Возвращается веселый, довольный; чуть в двери кричит:

– Успокойтесь, Ваше Величество. Монумент целехонек на месте стоит. А чтобы чего в самом деле не случилось, я приказал к нему поставить часового.

Все захохотали.

– Первое апреля, любезнейший, первое апреля, – сказал государь и отправился к разводу.

На следующий год ночью Башуцкий будит государя:

– Пожар!

Александр встает, одевается, выходит, спрашивая:

– А где пожар?

– Первое апреля, Ваше Величество, первое апреля.

Государь посмотрел на Башуцкого с соболезнованием и сказал:

– Дурак, любезнейший, и это уже не первое апреля, а суцая правда.

Однажды приказано было солдатам развод назначить в шинелях, если мороз будет выше десяти градусов. Башуцкий вызвал к себе плац-майора:

– А сколько сегодня градусов?

– Пять.

– Развод без шинелей, – приказывает Башуцкий.

Но пока наступило время развода, погода подшутила. Мороз перешел роковую черту. Государь рассердился и намыллил коменданту голову.

Возвратясь домой, взбешенный Башуцкий зовет плац-майора.

– Что вы это, милостивый государь, шутить со мной вздумали? Я не позволю себя дурачить. Так пять градусов было? А?

– Когда я докладывал Вашему превосходительству, термометр показывал...

– Термометр-то показывал, да вы-то соврали. Так, чтоб этого больше не было, извольте, милостивый государь, впредь являться ко мне с термометром. Я сам смотреть буду у себя в кабинете, а то опять выйдет катавасия.

Впрочем, не всегда все выглядело так безобидно. Однажды, если верить фольклору, шутка, которую позволил себе известный петербургский остролов Александр Львович Нарышкин, едва не закончилась скандалом.

Во время какого-то высокотожественного обеда, когда весь двор только что сел за парадный стол, а Башуцкий стоял у окна с платком в руках, чтобы подать сигнал, «когда придется виват из крепости палить», мимо него проходил Нарышкин. Заметив важную позу коменданта, Нарышкин сказал ему:

– Я всегда удивляюсь точности крепостной пальбы и, как хотите, не понимаю, как это вы делаете, что пальба начинается всегда вовремя.

– О, помилуйте! – отвечал Башуцкий. – Очень просто! Я возьму да махну платком вот так!

И махнул взаправду, и поднялась пальба, к общему удивлению, еще за супом. А самое смешное было то, что Башуцкий не мог понять, как это могло случиться, и собирался после стола «сделать строгий розыск и взыскать с виновного».

Справедливости ради скажем, что были и исключения. В Петербурге был популярен анекдот о героическом коменданте Нишлотской крепости, проявившем необыкновенное мужество во время Северной войны.

Во время войны со шведами однорукий комендант Нишлотской крепости Кузьмин в ответ на требование врага сдать крепость отвечал:

– Рад бы открыть ворота, но у меня одна рука, да и в той шпага.

Наивность и простодушие, смахивающие на глупость, а то и на обыкновенное недомыслие или тупость, не были привилегией только комендантов. Этим, с точки зрения фольклора, грешили многие министерские и городские чиновники. Они-то и становились героями городских анекдотов.

В 1834 г. скончался Виктор Павлович Кочубей. Карьера этого государственного деятеля была завидной. Он был личным другом императора Александра I, когда тот был еще великим князем и наследником престола. С воцарением Александра I Кочубей вступил в должность министра внутренних дел. При императоре Николае I стал председателем Государственного Совета и Кабинета министров.

Но, несмотря на то что Кочубей в обществе слыл либералом и сторонником умеренных реформ, в фольклоре о нем сохранились, как правило, осторожно отрицательные оценки. Известна эпиграмма в форме надгробной эпитафии, которую молва приписывала Пушкину:

*Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей,
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.*

Кочубея похоронили на старинном кладбище Александро-Невской лавры. Супруга Виктора Павловича княгиня Мария Васильевна «выпросила у государя разрешение» обнести могилу оградой. А Пушкин почти сразу после похорон в своих «Table talk» записывает анекдот:

Старушка Новосильцева по поводу металлической оградки как-то сказала:

– Посмотрим, каково-то ему будет в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие уже будут на небесах.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф Петр Андреевич Клейнмихель слыл в городском фольклоре наивным простачком, над которым мог посмеяться не только каждый начальник, но и всякий подчиненный. Со временем он стал удобной мишенью для постоянных насмешек и издевательств. Анекдоты о нем сыпались как из рога изобилия.

Объезжая однажды Россию для осмотра железных дорог, Клейнмихель заранее назначал час представления ему подчиненных. Но каждый раз делал это по своим часам. И был крайне изумлен тем, что в Москве в назначенное им время чиновники не собрались.

– Что это значит? – вскричал разъяренный граф.

– Так ведь московские часы не одинаковы с петербургскими, так как Москва и Петербург имеют разные меридианы, – ответили ему.

Клейнмихель покивал головой и согласился с таким объяснением.

Каково же было его удивление, когда и в Нижнем Новгороде повторилась та же история. Генерал в бешенстве закричал:

– Что это такое?! Кажется, всякий дрянной городишко хочет иметь свой меридиан?! Ну, положим, Москва может – первопрестольная столица, а то и у Нижнего свой меридиан!

В Петербурге строился первый постоянный мост через Неву. Строительство было сложным и дорогостоящим. Только на забивке свай было занято несколько тысяч человек.

И вдруг Клейнмихель узнает, что некий генерал Кербец придумал какую-то хитроумную машину, значительно облегчающую и ускоряющую этот поистине египетский труд. Изобретатель представил свою машину на утверждение Клейнмихеля и получил от того строжайший выговор, зачем он этой машины прежде не изобрел и тем самым ввел казну в огромные и напрасные расходы.

Даже редкие факты признания несомненных заслуг Клейнмихеля становились причиной для светского злословия.

Однажды Клейнмихелю вручали орден Андрея Первозванного. Среди новых орденосцев в тот счастливый и злополучный для графа день были и награжденные тем же орденом за какую-то успешно проведенную военную кампанию.

– За что же Клейнмихелю? – не стесняясь присутствия графа, шептались присутствовавшие. И обменивались остротами: – Тем за кампанию, а Кленмихелю для компании.

Понятно, что когда главноуправляющий путей сообщения был отправлен в отставку по всей России раздался вздох облегчения.

– Да что же вы так радуетесь? Ведь вам-то он, видимо, ничего не сделал. Да и видели ли вы его хоть раз? – спросили у одного купца, не имевшего к железным дорогам никакого отношения.

– Да и черта никто не видел, однако ж поделом ему достается, – ответил купец.

Через много лет такой же одиозной фигурой прослыл в Петербурге член Государственного Совета и министр финансов в правительстве Николая II Федор Павлович Вронченко. В известных кругах он считался большим волокитой и любимцем петербургских «камелий» из Мещанских улиц. В то время Мещанские улицы были хорошо известны своими пикантными заведениями под красными фонарями. Однажды Вронченко получил повышение по службе, и, к немалому удивлению общества, прежде всего это стало известно в мещанских притонах. По этому случаю появился даже анекдот:

Шел я по Мещанской и вижу – все окна в нижних этажах домов освещены, и у всех ворот множество особ женского пола. Сколько я ни ломал головы, никак не мог отгадать причины иллюминации, тем более что тогда не было никакого случая, который мог бы дать повод к народному празднику. Подойдя к одной особе, я спросил ее:

– Скажи, милая, отчего сегодня иллюминация?

– Мы радуемся, – отвечала она, – повышению Федора Павловича.

Фольклор не щадил никого. Досталось от него и известному петербургскому книгоиздателю Ивану Ильичу Глазунову. С 1881 по 1885 г. Глазунов занимал должность городского головы. В пору его деятельности на этом посту в Петербурге случилась очередная эпидемия холеры. Иван Ильич делал все возможное, чтобы снизить ущерб от этой напасти среди населения столицы, и, понятно, что, когда холера пошла на убыль, радости градоначальника не было предела. Но не тут-то было. Радоваться было рано, беспощадность фольклора была столь же беспредельной.

Когда эпидемия пошла, наконец, на спад, Глазунов телеграфировал председателю санитарной комиссии, находившемуся в отъезде:

– Холера идет на убыль. Буду рад, если петербуржцы, наконец, передохнут.

Тот ответил:

– Телеграмма неясна. Не могу разобрать, на какой гласной в последнем слове вы ставите ударение?

На рубеже XIX—XX вв. заслуженной славой в петербургском обществе пользовался один из самых знаменитых юристов дореволюционной России почетный академик петербургской Академии наук и член Государственного Совета Анатолий Федорович Кони. Особенно широкую известность он получил в 1878 г. после судебного процесса над народницей Верой Засулич, совершившей покушение на петербургского губернатора Ф. Ф. Трепова. Суд присяжных под председательством Кони оправдал ее.

Добавим, что фамилия Кони, благодаря своему второму, вполне определенному смыслу, сразу же стала удобной мишенью для добродушных каламбуров.

Когда Кони был назначен сенатором, один язвительный журналист поместил в печати эпиграмму:

В Сенат коня Калигула привел.

*Стоит он, убранный и в бархате, и в злате.
Но я скажу: у нас такой же произвол —
В газетах я прочел, что Кони есть в Сенате.*

На это он получил достойный ответ:

*Я не люблю таких иронии.
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что нынче Кони,
Где прежде были лишь ослы.*

Еще раз говорящей фамилией Кони фольклор воспользовался сразу после революции. В то время Анатолий Федорович преподавал уголовное судопроизводство в Петербургском университете. Кроме того, вел многообразную просветительскую работу читая лекции буквально во всех районах города, включая самые отдаленные. Всюду успеть было невозможно, и студенты университета будто бы добились, чтобы для пожилого и не очень здорового профессора Наркомпрос выделил лошадь с экипажем. Лошадь Кони предоставили, но, после того как советское правительство переехало в Москву, всех лошадей бывшего Конюшенного ведомства или перевели туда, или реквизировали для нужд Гражданской войны. Лишили и Кони столь удобного средства передвижения. Вот тогда-то и вспомнили фамилию знаменитого юриста.

— Подумайте, — шутили петроградские острословы, — лошади в Москве, а Кони в Петрограде.

Глава 3. Золотой век русской культуры

Впервые поручик Ржевский стал персонажем целой серии городских анекдотов в 1960-х гг., после выхода на экраны популярного фильма Эльдара Рязанова «Гусарская баллада», сценарием которого стала пьеса А. Гладкова «Давным-давно». Фамилия Ржевских старинная. Она упоминается в летописях еще в 1315 г., когда Ржевские были удельными князьями во Ржеве Тверской губернии.

Наряду с дворцовыми праздниками, придворными собраниями и литературно-художественными салонами, в Петербурге был еще один представительный общественный форум, где люди не только отдыхали, развлекались и, как говорится, повышали свой культурный уровень, но и встречались друг с другом, общались между собой, обменивались информацией и делились мнениями. Таким форумом был театр. Именно в Петербурге театр впервые появился, здесь он получил свое дальнейшее развитие и здесь же достиг полного и абсолютного совершенства. Роль театра в содействии более тесному общению людей между собой трудно переоценить. Вольно или невольно этому способствовало даже его внутреннее устройство. Кроме длинных коридоров и просторных фойе, где люди встречались друг с другом перед началом представления и во время антрактов, за последними театральными рядами партера было предусмотрено свободное пространство, не заставленное креслами. Его так и называли: «места за креслами». Здесь можно было свободно перемещаться не только в антрактах, но и во время спектаклей. Это предоставляло дополнительную возможность для случайных или намеренных знакомств и общения.

В дополнение к сказанному надо иметь в виду, что театр в то время был, пожалуй, единственным общедоступным местом, где одновременно находились и сосуществовали представители различных социальных и сословных кругов. Если на придворные и аристократические балы, дворцовые приемы, званые обеды или иные светские мероприятия рассылались именные приглашения, а гостями салонов были исключительно определенные зара-

нее лица, хорошо известные и близкие хозяевам дома, то билеты на театральные спектакли распродавались достаточно свободно и были доступны практически для всех.

О том, какое огромное значение придавалось театру в Петербурге, сказано так много в художественной и мемуарной литературе, что добавить, кажется, уже нечего. Однако обратимся к фольклору.

Знаменитая певица Габриели запросила у русской императрицы пять тысяч дукатов за два месяца выступлений в Петербурге.

– Я своим фельдмаршалам плачу меньше, – запротестовала императрица.

– Отлично, Ваше Величество, – отпарировала Габриели, – пусть ваши фельдмаршалы вам и поют.

Императрица заплатила ей пять тысяч дукатов.

В 1811 году в Петербурге сгорел Большой каменный театр. Пожар был так силен, что в несколько часов уничтожил его огромное здание. Нарышкин, находившийся на пожаре, сказал встревоженному государю:

– Нет ничего более: ни лож, ни райка, ни сцены, – все один партер.

В пушкинском Петербурге посетители литературных салонов, как правило, были и завсегдатаями театральные представлений. Например, Пушкин, особенно в его послелицейский период, постоянно упоминается как в салонном, так и в театральном фольклоре.

В столице славился салон Елизаветы Михайловны Хитрово. Елизавета Михайловна была дочерью фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. С замужеством ей не везло. Она дважды выходила замуж, и дважды мужья оставляли ее вдовой. В 1819 г., после того как она вторично овдовела, Елизавета Михайловна начала вести открытый образ жизни. В ее доме на Моховой улице собирались писатели, среди которых были В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. А. Соллогуб, А. И. Тургенев, А. С. Пушкин и многие другие. Принимала своих друзей Елизавета Михайловна, как правило, по утрам, лежа в постели. Дальнейшие пикантные подробности личной жизни Елизаветы Михайловны мы знаем из петербургского городского фольклора.

Когда гость, допущенный в спальню, собирался, поздоровавшись с хозяйкой, сесть в кресло, Хитрово останавливала его:

– Нет, не садитесь на это кресло, это кресло Пушкина; нет, не на этот диван, это место Жуковского; нет, не на этот стул – это стул Гоголя; садитесь ко мне на кровать – это место всех.

Вскоре по выходе из Лицея Пушкин познакомился со столичным обер-полицмейстером Иваном Саввичем Горголи, с которым имел объяснение по поводу скандала в театре. Пушкин, как передают, поссорился с неким чиновником, обругав его неприличными словами.

– Ты ссоришься, Пушкин, кричишь, – выговаривал юному поэту обер-полицмейстер.

– Я дал бы и пощечину, но поостерегся, чтобы актеры не приняли это за аплодисменты, – ответил на это Пушкин.

Этот анекдот в Петербурге, видимо, был так популярен, что до нас он дошел в двух вариантах. Поскольку, как нам кажется, оба они одинаково важны, приводим и другой анекдот:

В Санкт-Петербургском театре один старик, любовник Асенковой, аплодировал ей тогда, когда она плохо играла. Пушкин, стоявший близ него, свистал. Сенатор, не узнав его, сказал:

– Мальчишка, дурак!.

Пушкин отвечал:

– Ошибка, старик! Что я не мальчишка – доказательством жена моя, которая здесь сидит в ложе; что я не дурак, я – Пушкин; а что я тебе не даю пощечины, то для того, чтоб Асенкова не подумала, что я ей аплодирую.

Директором императорских театров одно время был известный уже нам знаменитый петербургский острослов Александр Львович Нарышкин. Среди острот и анекдотов, приписываемых петербургской молвой этому остряку есть и театральные. Героем одного из них стал предшественник Нарышкина в директорском кресле князь Николай Борисович Юсупов, о татарском происхождении которого всем было хорошо известно. Впрочем, он его и сам не скрывал. Другой анекдот высмеивает П. П. Мартынова, бывшего в то время комендантом Зимнего дворца. Вспомним, какому осмеянию подвергались в фольклоре вообще все военные коменданты. Вторым персонажем этого анекдота стал немецкий драматург и романист Август Коцебу, долгое время живший в России. В Петербурге Коцебу приобрел широкую известность как автор многочисленных пьес, которые заняли не последнее место в репертуаре русских театров. Все его сочинения носили нравоучительный характер и по большей части были пошлыми и слезливыми. В театральном Петербурге их называли не иначе как «Коцебятина».

Раз в театре, во время балета, государь спросил Нарышкина, директора императорских театров, отчего он не ставит балетов со множеством всадников, какие прежде давались часто.

– Невыгодно, Ваше Величество! Предместник мой ставил такие балеты, потому что, когда лошади делались негодны для сцены, он мог их отправить на кухню... и... съесть.

На Эрмитажном театре затеяли играть известную пьесу Коцебу «Рогус Пумперникель».

– Все хорошо... – сказал кто-то. – Да как же мы во дворец осла-то поведем...

– Э, пустое дело! – ответил Нарышкин, – самым натуральным путем на комендантское крыльцо.

Одним из самых любимых театров у искушенной и избалованной петербургской публики был Александрийский. К нему относились ревниво как зрители, так и сами актеры, особенно когда дело касалось взаимоотношений с московскими актерскими труппами. А они, как известно, всегда были, мягко выражаясь, не очень ровными.

Когда в Александрийском театре готовились к предстоящим гастролям Щепкина, актер Боченков, игравший те же роли, что и Щепкин, и очень боявшийся соперничества, мрачно шутил:

– В Москве дров наломали, а к нам щепки летят.

Самым известным театральным острословом слыл в Петербурге талантливый трагик, ведущий драматический актер, любимец петербургской публики, потомственный артист Василий Андреевич Каратыгин. В городском фольклоре Каратыгин и остался-то исключительно благодаря многочисленным театральным анекдотам и байкам, главным героем которых выступал он сам.

Однажды летом в Петергофе был выездной спектакль Александрийского театра. За неимением места актеров временно разместили в помещении, где обычно стирали белье. Побывавший на спектакле император поинтересовался у артистов, всем ли они довольны.

Первым отозвался находчивый Каратыгин:

– Всем, Ваше Величество, всем. Нас хотели полоскать и поместили в прачечной.

Николай I, находясь во время антракта на сцене Александрийского театра и разговаривая с актерами, обратился в шутку к знаменитейшему из них Каратыгину:

– Вот ты, Каратыгин, очень ловко можешь превратиться в кого угодно. Это мне нравится.

Каратыгин, поблагодарив государя за комплимент, согласился с ним и сказал:

– Да, Ваше Величество, могу действительно играть и нищих, и царей.

– А вот меня, ты, пожалуй, и не сыграл бы, – шутливо заметил Николай.

– А позвольте, Ваше Величество, даже сию минуту перед вами я изображу вас.

Добродушно в эту минуту настроенный царь заинтересовался: как это так? Пристально посмотрел на Каратыгина и сказал уже более серьезно:

– Ну, попробуй.

Каратыгин немедленно встал в позу, наиболее характерную для Николая I, и, обратившись к тут же находившемуся директору императорских театров Гедеонову, голосом, похожим на голос императора, произнес:

– Послушай, Гедеонов, распорядись завтра в двенадцать часов выдать Каратыгину двойной оклад жалованья за этот месяц.

Государь рассмеялся:

– Гм... Гм... Недурно играешь.

Распрощался и ушел. На другой день в двенадцать часов Каратыгин получил, конечно, двойной оклад.

Популярность анекдота в Петербурге была такова, что даже до наших дней он дошел в разных вариантах. В основном разница заключалась в вознаграждении актера за талантливо сыгранный экспромт. Так, по одному из них, Каратыгин будто бы получил от императора ящик лучшего французского шампанского.

Каратыгину приписывают анекдоты, адресованные плодовитым, но бездарным авторам театральных водевилей.

Об одном авторе Каратыгин сказал:

– Лучше бы он писал год и написал что-нибудь ГОДное, чем писал неделю и написал НЕДЕЛЬНОЕ.

Третьестепенный автор, некий Семенов, зашел однажды за кулисы к Каратыгину:

– А помнишь ли ты мою пьесу «Царская милость»?

– Еще бы! Я ведь злопамятный, – ответил Каратыгин.

По поводу драмы «В стороне от большого света» Каратыгин сказал:

– Первое действие драмы происходит в селе, второе – в городе, все же остальное написано ни к селу, ни к городу!

Острый на язык Каратыгин не щадил никого и был находчив в любых, даже самых неподходящих обстоятельствах.

Однажды Каратыгин присутствовал на похоронах одного известного картежника, казачьего офицера.

– Ну, – спросили его, – как вам похороны?

– Великолепно! Сначала ехали казаки с пиками, потом музыканты с бубнами, затем духовенство с крестами, потом покойник с червями, а за ними или дамы, тузы, валеты, и в конце двойки, тройки, четверки.

Известна легенда о похоронах и самого Каратыгина. Будто бы он был положен в гроб живым и перед смертью поднялся в гробу. Как утверждают жизнерадостные театралы, это будто бы и была последняя искрометная шутка талантливого актера и неумного остроумца.

В 1888 г. в Петербург на гастроли приехал знаменитый цирковой артист и дрессировщик животных А. Л. Дуров. Сохранилась, скорее похожая на анекдот, легенда о рекламной, как сказали бы сейчас, акции, которую успешно провел Дуров в Северной столице.

Перед выступлением Дуров ездил по улицам, разбрасывая листовки с призывами посетить его представления. Его вызвал петербургский градоначальник Гроссер и запретил это делать.

– Есть у вас еще эти штучки? – спросил генерал, показывая на подобранные полицией листовки.

– Есть, ваше превосходительство.

– Так потрудитесь выбросить их.

– Слушаюсь.

На следующий день Дуров снова занялся разбрасыванием листовок. Его снова вызвал Гроссер.

– Вы что же, издеваетесь надо мной?

– Помилуйте, Ваше превосходительство, я счел должным выполнить ваше распоряжение.

– ???

– Вы приказали выбросить листовки, вот я и выбросил все, что было.

Цирковые, театральные или концертные гастроли были для Петербурга явлением давним, традиционным и привычным. Мы уже рассказывали анекдот, связанный с выступлениями в Северной столице при Екатерине II знаменитой итальянской певицы Габриели. Особенно запомнились петербуржцам гастроли австрийского композитора, скрипача и дирижера, «Короля вальсов», как его окрестили в народе, Иоганна Штрауса. Популярность Штрауса дошла до того, что питерские парикмахеры даже придумали и ввели в моду прическу «А-ля Штраус».

Концерты Штрауса, которые проходили в Павловском курзале, пользовались ошеломляющим успехом. Он был кумиром публики, особенно ее женской половины. Летняя жизнь Штрауса в Павловске сопровождалась легкими романтическими приключениями и страстными влюбленностями. Если верить фольклору, порой это заканчивалась маленькими светскими скандалами. Однажды его даже вызвали на дуэль. Некий офицер будто бы поставил ему в вину что его жена каждый день посылала композитору роскошный букет цветов. Говорят, Штрауса спасло только его врожденное остроумие. Он пригласил молодого человека к себе в комнату которая была полностью завалена цветами. «Все это мне подарили в последние два дня, – весело сказал композитор. – Я готов дать вам удовлетворение, если вы покажете букет, подаренный вашей женой».

Штраус становился героем дружеских шаржей, где его изображали играющим на скрипке в окружении пылающих сердец в кринолинах, и анекдотов, где его немецкая фамилия превращалась в русскую двусмысленность:

– Посмотрите, Аннете, какие огромные яйца у этого страуса, – сказала маменька своей дочке, прогуливаясь по академическому музею.

– Ах, маменька, это у того самого страуса, что играет так мило вальсы в Павловском вокзале?

Надо напомнить, что в концертных программках и на афишах имя и фамилия композитора печатались в русской транскрипции: Иван Страус. Да и в народе его называли не иначе как «Иван Иванович», или «Танцующий Страус», по манере дирижировать пританцовывая. Приведем и второй анекдот на ту же тему. Вовсе не для того, чтобы посмаковать ее, а для того, чтобы показать, сколь широкое распространение она имела в Петербурге. И еще одно напоминание. В Павловском курзале выступали два Штрауса, оба одинаково любимые и знаменитые: отец и сын.

Матушка с дочкой приехали летом в Петербург и осмотрели все достопримечательности, в том числе и музей Академии наук, где они видели кости допотопных животных, яйца огромных птиц и так далее. Вечером они поехали в Павловск слушать оркестр Штрауса.

Дочь спросила у матери:

– Это молодой Штраус?

– Молодой! Это сын...

– Это и видно, что еще очень молод.

– Это почему?

– Потому что яйца еще не так велики, как те страусовы яйца, что мы видели сегодня в Академии.

Из отечественных композиторов XIX в. в петербургский городской анекдот попали в основном два из них: Глинка и Чайковский. И у того, и у другого были на то довольно веские причины.

Родоначальник национальной русской оперы Михаил Иванович Глинка приобрел всеобщую известность как композитор в 1836 г., после представления патриотической оперы «Жизнь за царя», более известной в широкой публике под советским вариантом названия «Иван Сусанин». Именно тогда Глинка почувствовал прикосновение богини Славы. Однако вторая опера композитора «Руслан и Людмила», представленная публике в Мариинском театре в 1842 г., большинством современников сразу оценена не была. Например, император Николай I демонстративно ушел из театра, не дождавшись конца представления, а великий князь Михаил, если верить фольклору, стал посылать провинившихся офицеров в оперу слушать «Руслана и Людмилу» в наказание. Правда, вскоре настроение капризной публики переменилось. Но время до полного признания оперы было отмечено появлением несправедливых и неприятных для композитора анекдотов. Некоторые из них дошли до наших дней.

На одном из представлений публика неожиданно потребовала автора, и смущенный, ничего не понимающий Глинка топтался за кулисами, не зная, что делать. Великий князь доброжелательно похлопал композитора по плечу:

– Иди, Христос страдал более тебя.

Сейчас уже трудно разобраться, что не удовлетворило взыскательную петербургскую публику в опере: сама музыка, ее исполнение или постановка спектакля. Известно только, что многие современники характеризовали произведение композитора, как «музыку для кучеров». В арсенале городского фольклора сохранился обидный анекдот:

На первом представлении оперы Глинки «Руслан и Людмила» в Мариинском театре один из постоянных посетителей покинул ложу после первого акта.

– Не понравилось? – осторожно спросил директор.

– Я прослушал первый акт и боюсь, что остальные написаны тем же композитором, – услышал он в ответ.

У Петра Ильича Чайковского были совсем иные основания стать героем городских анекдотов. Отношения к его божественной музыке они не имели. Но от этого вовсе не становились менее обидными и оскорбительными. «Весь Петербург» живо обсуждал его нетрадиционную сексуальную ориентацию.

Среди легенд, связанных с неожиданной и ранней смертью композитора, есть одна совершенно скандальная. Она утверждает, что Чайковский умер не от холеры, которая осенью 1893 г. и в самом деле свирепствовала в Петербурге, а покончил жизнь самоубийством, приняв яд, будто бы позволивший симитировать симптомы холеры. Будучи, как известно, гомосексуалистом, он якобы «оказывал знаки внимания маленькому племяннику одного высокопоставленного чиновника». Узнав об этом, дядя мальчика написал письмо самому

императору и передал его адресату через соученика Чайковского по Училищу правоведения Николая Якоби. Тот ознакомился с содержанием письма и, усмотрев в этом скандале «угрозу чести правоведов», собрал товарищеский суд, пригласив на него композитора. Решение собрания было категоричным: либо публичный скандал, после которого неминуемо последуют судебное решение о ссылке композитора в Сибирь и несмыаемый позор, либо яд и смерть, которая этот позор смоет. Правоведы якобы «рекомендовали второй выход, что он и исполнил».

В связи с этим любопытны похожие на анекдоты рассказы о том, что Чайковский и в самом деле смертельно боялся, что о его гомосексуальных наклонностях когда-нибудь узнает император. Опасения эти выглядели, по меньшей мере, странными, если учесть, что весь Петербург, во-первых, был прекрасно осведомлен о «мужском» окружении Петра Ильича и особенно его брата Модеста – молодых людей, которых открыто называли «Бандой Модеста», и, во-вторых, аристократическая культура того времени считала педерастию почти нормой, и в поведении композитора вообще не усматривали ничего предосудительного. Так оно и было на самом деле, если, конечно, верить дошедшему до нас фольклору.

Александр III иностранных слов не любил и всюду старался заменить их русскими. Так, вместо «гомосексуалист» он говорил «жопник». Однажды, когда ему пожаловались на то, что Чайковский увлекается мальчиками, он отвечал:

– В России жоп много, а Чайковский один.

Когда царю стало известно о странностях личной жизни композитора Чайковского, он искренне воскликнул:

– Господи, да знал бы я об этом раньше, я бы подарил ему весь Пажеский корпус.

Все эти невинные, с точки зрения салонной аристократической морали того времени, анекдоты задолго предвосхитили более поздний анекдот на эту же интригующую тему:

– Вы слышали? Чайковский-то, оказывается, гомосексуалист.

– Да. Но мы его любим не только за это.

Веским аргументом в пользу того, что писатели в XIX в. все больше и больше признавались обществом бесспорными властителями душ, является тот неопровержимый факт, что из всех известных профессиональных сословий именно писатели все чаще и чаще становились персонажами фольклора вообще и анекдотов в частности. Писателей любили, они были на виду, к ним и к их произведениям обращались за разрешением нравственных споров.

Одним из первых литераторов, ставшим героем петербургского анекдота еще в преддверии XIX в., золотого века русской литературы, кажется, был известный поэт екатерининской эпохи Иван Семенович Барков. Барков был ярчайшим представителем своего пиитического племени. Он был необыкновенно талантлив и страдал неизлечимой болезнью многих поэтов – пил. Пил много и беспробудно и в анекдоты попал, в значительной степени, именно благодаря этому.

Скандально знаменитый поэт, чьи эротические, а то и просто непристойные стихи во множестве расходились по стране в списках, родился в семье обыкновенного священника. Он был способным ребенком, и родители отдали его на обучение в университет. По воспоминаниям однокашников, Барков учился успешно, обладал острым умом и хорошей памятью, но постоянно пьянствовал и скандалил, за что в конце концов и был изгнан из университета.

Однако знания, полученные во время учебы, даром не пропали. Работая в академической типографии, Барков совершенствуется в латыни и в скором времени становится неплохим переводчиком, которому Академия наук не раз поручала переводы сатир Горация и басен Фэдра. Правда, при этом каждый раз рисковала, опасаясь, что выданные поэту авансы могут бесследно исчезнуть, а заказанные сатиры так и останутся непереуведенными. Легенды и анекдоты об этом ходили по Петербургу в таком же множестве, как и его скабрзные поэмы.

Академия поручила Баркову какой-то ответственный перевод и выслала ему довольно дорогой экземпляр оригинала.

Спустя время, после многочисленных напоминаний, Барков просил передать академикам, что книга переводится. Еще через некоторое время на беспокойный запрос он вновь заявил:

– Книга переводится... из кабака в кабак, сначала заложил ее в одном месте, потом перевел в другое и постоянно озабочиваюсь, чтобы она не залеживалась в одном месте подолгу, а переводилась по возможности чаще... из одного питейного заведения в другое.

Барков победил в конкурсе на надпись к памятнику Петру Первому, объявленном Екатериной. Но, учитывая специфические особенности его личности, результаты конкурса решили не предавать огласке. Однако надпись использовали. Когда, к своему немалому удивлению, Барков увидел на пьедестале так хорошо знакомый родной текст, то тут же сбегал за кистью и вслед за словами «Петру Первому Екатерина Вторая» приписал: «обещала, но не дала», напомнив таким откровенно двусмысленным образом об обещанном гонораре.

Судя по анекдотам, Барков, несмотря на свой разгульный образ жизни, хорошо понимал свое место в русской литературе и умело пользовался этим для утоления неистребимой жажды.

Барков пришел однажды к Сумарокову.

– Сумароков – великий человек! Сумароков – первый русский стихотворец! – сказал он ему.

Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему:

– Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец – я, второй Ломоносов, а ты только третий.

Сумароков в бешенстве бросился на него, так что Барков едва успел убежать.

Смерть Баркова до сих пор представляет загадку для его биографов, есть свидетельства, что она не была естественной. Так это или нет, нам неизвестно, но есть последний, уже посмертный анекдот о Баркове, который приоткрывает завесу тайны о последних мгновениях жизни этого одаренного недюжинным талантом и пороками непутевого человека.

Барков покончил жизнь самоубийством. При нем нашли записку: «Жил грешно и умер смешно».

Анекдоты о Баркове слагаются до сих пор. Как и в те давние времена, фольклор продолжает эксплуатировать сложившийся в народе негативный образ поэта. Известно, что еще Пушкин искренне ценил талант Баркова и откровенно мечтал о том времени, когда можно будет, не таясь, читать опубликованные в печати стихи поэта. Мы можем гордиться тем, что оправдали ожидания великого русского поэта. Барков стал доступен для широкого читателя. Правда, эта доступность приобретает порой несколько гипертрофированные формы.

Радость в доме – мальчик впервые заинтересовался поэзией. Так и спросил:

– Папа, а у нас есть Барков?

Современником Баркова был поэт Ермил Иванович Костров, поэт одаренный и умный, но приверженный все тем же всероссийским слабостям, погубившим не один подлинный русский талант.

Однажды Екатерина II пригласила к столу известного чудака и оригинала, большого любителя спиртного поэта Е. И. Кострова.

Хорошо знакомый со слабостью поэта Шувалов задолго до обеда предупредил Кострова и чуть ли не упросил его быть трезвым и прилично одетым. Однако в назначенный час Костров не явился.

– Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, – через две недели сказал ему Шувалов, – что ты променял дворец на кабак?

– Побывайте-ка, Иван Иванович, в кабаке, – отвечал Костров, – право, его не променяете ни на какой дворец.

– О вкусах не спорят, – ответил Шувалов.

Смерть Кострова не стала неожиданностью ни для общества, ни для самого поэта. Каким бы ни был диагноз врачей, сам он лучше всех знал причину приближающейся смерти.

Костров страдал перемежающейся лихорадкой.

– Странное дело, – заметил он, – пил я, кажется, все горячее, а умираю от озноба.

В первой половине XIX в. писатели в полном смысле слова завоевали право называться властителями душ. Но вкус к литературе сам по себе не появляется. Его нужно было умело привить с детства, а затем долго, любовно и терпеливо возвращать. В Петербурге с этим небезуспешно справлялись опытные «садовники» в привилегированных военных и штатских учебных заведениях. В Царскосельском лицее, в Пажеском и Кадетском корпусах знание литературы считалась столь же важным элементом образования, как знание математики или других точных наук. В программу обучения кадетов и лицеистов входило знакомство с отечественной и зарубежной литературой. Программой воспитания предусматривалось и ежедневное чтение газет. В описываемое нами время в Петербурге их было три: «Вестник Европы», «Петербургские ведомости» и «Сын Отечества». Не обходилось и без курьезов. Впрочем, не будем забывать, что курьез – это питательная почва для всякого анекдота, и чем курьезнее ситуация, тем больше вероятности, что она станет сюжетом острого и злободневного анекдота.

Император Александр I, посетив Лицей, спросил:

– Ну, кто здесь первый?

– Здесь нет первых, Ваше императорское величество, – ответил юный Пушкин, – все вторые.

В Пажеском корпусе пажи играли и шутили. Всех веселее был Линдорф. Один из офицеров, Клуге фон Клугенау, сказал ему:

– Какой вы сын отечества!

– Я не сын отечества, я Вестник Европы.

Однажды поэт Константин Романов, печатавшийся под псевдонимом К.Р., посетил Первый кадетский корпус, где учился сын Зинаиды Гиппиус.

– Скажи, – обратился он к нему, – Вячеслав Иванов твой отчим?

– Так точно, Ваше величество.

– А ты его стихи читал?

– Так точно, Ваше величество.

– А ты что-нибудь понял?

– Так точно, Ваше величество.

– Значит, ты умнее меня. Я ничего не понял.

Еще в то время, когда Пушкин был воспитанником Царскосельского лицея, он познакомился с Николаем Михайловичем Карамзиным, который стал его другом и одним из литературных учителей. В то время он жил и работал в Царском Селе. Род Карамзиных происходил из волжских дворян, предки которых имели восточное происхождение. Отсюда первая часть его фамилии «кара», что означает «черный».

Видный писатель, Карамзин был основоположником целого направления в русской литературе – сентиментализма, автором хрестоматийно известной всем русским школьникам повести «Бедная Лиза». Но в России Карамзин всегда был более известен как историк. В 1803 г. по собственной инициативе он получил звание придворного историографа, потому

что, как сам об этом писал к министру народного просвещения, хотел «сочинять Русскую историю, которая с некоторого времени занимает всю душу». В 1816 г. Карамзин закончил восемь томов «Истории государства Российского». А через два года «История» Карамзина увидела свет и сразу поразила всю читающую Россию. Как единодушно отмечали современники, своей «Историей» Карамзин изменил представление русских людей о России, заставив беззаветно влюбиться в свою страну всех без исключения россиян. Он стал, по выражению Пушкина, «первым нашим историком и последним летописцем».

Отдал должное Карамзину и городской фольклор, присвоив ему почетный титул «граф истории». Сейчас это «звание» знаменитого историка звучит для нашего слуха привычно, чего нельзя было сказать о петербуржцах XVIII в. К нему надо было привыкнуть. Для этого должно было пройти какое-то время. Если верить фольклору, все началось, как это часто бывает, с анекдота, передававшегося из уст в уста в читающем Петербурге:

Когда Карамзин был назначен историографом, он отправился к кому-то с визитом и сказал слуге:

– Если меня не примут, то запиши меня.

Когда слуга возвратился и сказал, что хозяина нет дома, Карамзин спросил его:

– А записал ли ты меня?

– Записал.

– А что же ты записал?

– Карамзин – граф истории.

К тому времени начал складываться знаменитый пушкинский круг. В этот круг входили приятели, товарищи, знакомые, друзья, недруги, то есть все те, кто так или иначе сталкивался в своей жизни с поэтом. Многие из них остались в совокупной памяти поколений исключительно благодаря этому обстоятельству. О некоторых мы уже знаем. С другими еще встретимся. Этот круг был велик. Он поражал своим сословным разнообразием. Это были императоры и офицерские денщики, писатели и салонные завсегдатаи, актеры и профессиональные картежники, министерские чиновники и великосветские сановники, дамы полусвета и жены вельможных аристократов. Многие из этих людей были любимцами городского фольклора.

Товарищем Пушкина по писательскому цеху бы знаменитый баснописец и драматург Иван Андреевич Крылов. Впервые в Петербург Крылов приехал из Твери в 1782 г. Служил чиновником в Казенной палате и Горной экспедиции. Затем надолго оставил службу и занялся литературным трудом. Издавал журналы «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Писал пьесы, которые одно время не сходили с подмостков петербургских театров. Но прославился своими баснями, за что в народе заслужил прозвище «Российский Эзоп». В основном это были вольные переводы басен Эзопа и Лафонтена. Но все они непосредственно откликались на конкретные события русской истории и потому отличались исключительной актуальностью.

В характеристике, выданной ему петербургским городским фольклором, Крылов выглядит мудрым и умным «дедушкой», к известной лености, некоторой неопрятности и неумеренному аппетиту которого друзья относились со снисходительной терпимостью и добродушием.

Раз Крылов шел по Невскому проспекту, что было редкостью, и встретил императора Николая I, который, увидев его издали, закричал:

– Ба, ба, ба, Иван Андреевич, что за чудеса? Встречаю тебя на Невском. Куда идешь? Что же это, Крылов, мы так давно с тобой не виделись.

– Я и сам, государь, так же думаю, кажется, живем довольно близко, а не видимся.

Несколько молодых повес, прогуливаясь однажды в Летнем саду, встретились со знаменитым Крыловым, и один из них, смеясь, сказал:

– Вот идет на нас туча.

– Да, – возразил баснописец, проходя мимо них, – поэтому и лягушки расквакались.

После долгой и мучительной болезни – на ноге была рожжа и мешала ему ходить – Крылов с трудом вышел на прогулку по Невскому проспекту. А в это время мимо в карете проезжал его знакомый и, не останавливаясь, прокричал:

– А что, рожжа прошла?

– Проехала, – вслед ему сказал Крылов.

Смерть Крылова болью отозвалась не только в избранном литературном сообществе, но и в простом народе. Фольклор на это печальное событие отозвался немедленно.

Кукольник шел за гробом Крылова. К нему подошел прилично одетый господин с орде- ном.

– Позвольте узнать, кого хоронят?

– Министра народного просвещения, – сказал Кукольник.

– Как? Возможно ли? Разве граф Уваров скончался?

– Это не Уваров, а Иван Андреевич Крылов.

Господин посмотрел на Кукольника и заметил ему:

– Крылов был баснописец, а Уваров – министр.

– Это их просто смешивают: настоящим министром народного просвещения был Крылов, а Уваров писал басни в своих отчетах, – ответил Кукольник.

Притчей во языцех всего Петербурга был известный стихотворец, член Российской академии и общества «Беседы любителей русского слова», сенатор и действительный тайный советник, граф Дмитрий Иванович Хвостов. Случайных встреч с ним искренне боялись, а бывая в районе Сергиевской улицы (ныне – улица Чайковского), где проживал Хвостов, торопливо оглядывались по сторонам, нет ли поблизости знаменитой голубой кареты графа. Хвостов писал стихи. Но это был графоман в полном смысле этого слова. Его страсть к сочинению стихов уступала разве что страсти читать эти стихи каждому встречному. Он мог декламировать их у себя в доме, на так называемых литературных чтениях, на улице, встретив случайного знакомого, в коридорах Сената, во время коротких перерывов в работе. Он читал, позабыв о времени и погоде, совершенно не считаясь с желаниями несчастного слушателя. Покоя не было и домашним. В обязанности его секретарей входило обязательное утреннее слушанье его стихов. Говорят, секретари у него менялись не реже одного раза в год только потому, что мало кто мог выдержать это унылое чтение.

О Хвостове рассказывали анекдоты, которые могли оскорбить любого, однако на него самого они не действовали. Он искренне верил в свой «неувядающий гений» и называл себя «наперсником муз» и «мудролюбцем». Впрочем, было еще одно обстоятельство, которым гордился Хвостов. Он был женат на племяннице Александра Васильевича Суворова и никогда не забывал при случае этим похвастаться. Чаще всего это, что называется, выходило ему боком.

Хвостов сказал:

– Суворов мне родня, и я стихи плету.

– Полная биография в нескольких словах, – заметил Блудов, – тут в одном стихе все, чем гордиться может и стыдиться должен.

Мнение Хвостова о самом себе чаще всего не совпадало с мнением о нем окружающих. Неисправимого стихоплета называли не иначе как «Графов», производя это прозвище не от «графа», но от «графомана».

На старости Хвостов так ослабел, что его в порядочных домах перестали принимать, потому что он во время беседы, сам того не чувствуя, мочился под себя и пачкал кресла. По этому случаю Соболевский, а может быть, и Пушкин сказал:

*Хоть участие не поможет,
А все жаль, что граф Хвостов
Удержать в себе не может
Ни урины, ни стихов.*

С некоторыми оговорками в пушкинский круг можно включить и Михаила Юрьевича Лермонтова, хотя формально с Пушкиным он знаком не был. Скорее всего, просто не успел. Сложись жизнь Пушкина, да и самого Лермонтова, иначе, и можно не сомневаться, что встреча двух поэтов могла состояться.

Петербургский городской анекдот при жизни Лермонтова обошел его своим вниманием. Во всяком случае, мы не знаем ни одного анекдота о нем. И если бы не такое удивительное явление городской культуры, как современный детский, или школьный, фольклор, то фамилия Лермонтова вообще выпала бы из нашего повествования. К феномену школьного фольклора мы еще обратимся, а пока напомним, что в анекдоте использован известный факт лермонтовской биографии: с детства его воспитывала бабушка.

Лермонтов родился у бабушки в деревне, когда его родители жили в Петербурге.

Мы уже говорили, что в пушкинский круг попали не только его друзья и доброжелатели. Среди литературных противников Пушкина особое место занимают широко известные по кличке Братья-разбойники журналисты и писатели Николай Иванович Греч и Фаддей Венедиктович Булгарин. Происхождение коллективного прозвища двух журналистов и издателей фольклорная традиция связывает с Пушкиным. Будто бы однажды на одном обеде, увидев цензора Семенова, сидящего между Гречем и Булгариным, Пушкин воскликнул: «Ты, Семенов, точно Христос на Голгофе». Известно, что по обе стороны креста, на котором был распят Иисус Христос, стояли еще два креста с казненными на них разбойниками. Вторая их кличка среди петербургских литераторов была Грачи-разбойники. Она основана на созвучии названия птицы и фамилии одного из этих одиозных друзей.

Греч в течение десяти лет служил в петербургском цензурном комитете, а Булгарин, до 1825 г. исповедовавший весьма демократические либеральные взгляды, после восстания декабристов занял откровенно верноподданническую охранительную позицию и заслужил в Петербурге славу беспринципного литературного осведомителя Третьего отделения. С 1825 г. Булгарин совместно с Гречем начал издавать частную литературно-политическую газету исключительно реакционного толка «Северная пчела», которую Николай I в минуты откровенности называл: «моя газета».

Острие демократической критики в основном было направлено на Булгарина. Биография Булгарина путана, полна приключений и окрашена в авантюрные тона скандалов. Он был сыном польского шляхтича. Учился в Петербурге, служил в Уланском полку, в 1806 г. воевал против Наполеона; затем был уволен из армии «вследствие плохой аттестации». После этого Булгарин перебрался в Париж и вступил в Польский легион наполеоновской армии. В его составе участвовал в походе на Россию, но здесь был взят в плен русскими. После войны жил в Польше и Литве. С 1819 г. обосновался в Петербурге. Булгарин был неплохим журналистом, но в литературных кругах его презирали за беспринципность и сотрудничество с властями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.